

ВИКТОР АЛЕВЕТДИНОВ

СВИДЕТЕЛЬ БЕЗ ПАМЯТИ

КНИГА 5

ВОЙНЫ МЁРТВЫХ ЧАСТОТ

ВОЕННОЕ ФЭНТЕЗИ

18+

Виктор Алеветдинов

**Свидетель без памяти. Книга
5. Войны мёртвых частот**

«Автор»

2026

Алеветдинов В.

Свидетель без памяти. Книга 5. Войны мёртвых частот /
В. Алеветдинов — «Автор», 2026

Самый опасный приказ звучит голосом того, кого ты любил. 2064 год. Солдат Денис Круглов прибывает в Тарнский рудник под охраной комиссии. Он обвиняемый и свидетель. Его показания угрожают людям, которые научились превращать следы погибших в оружие. Под землёй заперты жители, а над долиной готовят удар. Чтобы сорвать запуск новой системы, группе нужно добраться до её ядра. Но проходы перекрывает охрана, знакомые голоса ведут в ловушки, а остановка оборудования может оставить убежища без воздуха. Денис воспринимает последние намерения погибших. Каждое подключение отнимает часть его памяти. Теперь для полного свидетельства придётся затронуть всё, что ещё связывает его с пережитыми войнами и близкими людьми. Он должен сохранить правду о себе — и рискует перестать узнавать собственную жизнь.

Содержание

Часть 1. Колонна без общего приказа	5
Глава 1. Конвой для обвиняемого	5
Глава 2. Город под временным миром	10
Глава 3. Три цели одной группы	15
Глава 4. Голос в чужой гарнитуре	19
Глава 5. Шахта дышит наружу	23
Глава 6. Первый бой до причины	28
Глава 7. Узел, который нельзя взорвать	33
Часть 2. Война в вентиляции	38
Глава 8. Четыре входа в рудник	38
Глава 9. Лифт погибшей смены	43
Глава 10. Двадцать минут батареи	47
Глава 11. Список в охлаждающей воде	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Виктор Алеветдинов

Свидетель без памяти. Книга

5. Войны мёртвых частот

Часть 1. Колонна без общего приказа

Глава 1. Конвой для обвиняемого

2064 год. День 1, 05:30–08:00. Горная дорога к Тарнской долине.

На повороте машину качнуло, и стяжка врезалась в запястья. Подложенная под неё ткань сбилась ещё на подъёме. Поправить её связанными руками не получалось, а охранник напротив следил за моими пальцами и поднимал глаза, когда я шевелился.

Попросил ослабить крепление. Охранник проверил зазор между лентой и кожей, поправил ткань сам. Когда потянул мои руки к себе, заболело плечо. Он заметил это и сразу отпустил.

На груди у него работала камера. Меня везли к Тарнскому узлу для проверки следов, связанных с материалами Сармы. В разрешении значился осмотр в сопровождении комиссии с сохранением статуса обвиняемого.

Дорога пошла круче. Водитель переключился на внутреннюю связь и сообщил, что головная машина остановилась у осыпи. Через его плечо был виден поворот: светлая порода перекрыла полотно почти до ограждения. По внешнему краю оставался проход, куда сейчас пыталась подать задним ходом машина связи.

Машина встала поперёк дороги, передним колесом у бетонного края. Между кузовом и осыпью оставалось место только для человека.

Попросил охранника вызвать начальника. Он передал трубку. Начальник охраны отвечал с раздражением: проход осматривают, колонна ждёт. Объяснил, что машину связи надо вернуть назад, пока она не загрозила выход. Если впереди начнётся стрельба, тягач за ней останется на месте.

— Порядок движения определяю я, Круглов.

Трубку забрали. Наш водитель продвинулся на полкорпуса, сократив промежуток до следующего фургона. На его задней двери виднелась полоска архивной пломбы.

Над осыпью держалась пыль, под ней белел свежий излом камня. Дорога перед завалом была пуста. Охранник посмотрел вперёд и расстегнул удерживающую ленту на автомате.

Первый аппарат прошёл вдоль склона. Его плоский корпус исчез за фургоном. Удар пришёлся в бок машины, и по нашей крыше застучали мелкие осколки. Водитель пригнулся к рулю. Охранник схватил меня за ворот и стянул с сиденья.

Второй взрыв прозвучал впереди. Антенна машины связи переломилась, ударила по крыше и повисла на кабеле. Из передней части колонны стреляли короткими очередями. Маленький аппарат метнулся к архивному тягачу, но рассыпался над кабиной под огнём охраны.

Охранник открыл дверь со стороны склона. Водитель переспросил, выходить ли ему. Начальник требовал оставить проезд свободным, но выполнить это мешала машина связи.

Показал на фургон впереди. Аппараты заходили на него с двух сторон; следом один повернул к оборванной антенне. По нашему кузову пока не ударили. Архивные модули снаружи выглядели обычными грузовыми, однако нападавшие сразу выбрали нужный транспорт.

Охранник вытолкнул меня из машины и прижал к колесу. Оттуда увидел Веру. Она лежала у машины связи с открытым кофром. По её знаку боец пополз к кабине.

Начальник охраны добежал до нас пригнувшись. Прижимая гарнитуру к окровавленной щеке, потребовал отвести нашу машину под скальный выступ: там можно было собрать людей. Впереди взревел тягач, и начальник обернулся.

Тягач пошёл к осыпи. Его водитель смотрел на экран и поворачивал руль вправо, туда, где за бетонным краем начинался обрыв. Служебная разметка на стекле мигала зелёным: направление считалось свободным. Видел её из-под поднятой двери кабины. Одновременно под рёв мотора проступил чужой голос.

— Вторую вправо. Интервал держать.

Гарнитуры на мне не было. Голос пришёл из промежутка между тягачом и ограждением. По асфальту тянулась колея, которой секунду назад не существовало. В ней стояла бурая вода. След уходил через бетонный край, а дальше на миг показался покосившийся борт старой тюремной машины.

Водитель тягача добавил газ. Его переднее колесо упёрлось в ограждение, и мотор снова поднял обороты. Из кабины он выкрикнул, что выезжает по указателю. Охранник рядом со мной привстал, собираясь бежать следом. Пришлось ухватить его связанными руками за штанину.

Попросил посмотреть на бетон, на настоящие камни перед колесом. Он выругался, но опустил обратно. Старая колея оставалась перед глазами; хотелось поставить в неё ногу, потому что за машиной в том повторе был виден свободный путь.

Пепел удерживал незавершённое движение погибших, и живой человек мог продолжить его собственными руками. Тягач толкал ограждение работающим двигателем. Водитель видел съезд, которого здесь больше не было.

Начальник уже кричал ему остановиться, но тот отвечал про зелёную стрелку. Колесо тёрлось о бетон. Я указал на нижний люк под ступенью кабины: у таких тягачей через него добирались до ручного отключения внешнего управления. С подобным приводом работал, когда был ремонтником. Начальник спросил, смогу ли открыть. Поднял перед ним стянутые запястья. Он секунду смотрел на них, затем приказал охраннику снять крепление.

— До кабины и обратно. За тобой идёт мой человек.

Лента разошлась под ножом. Пальцы плохо слушались, когда опирался на дорогу. Охранник перебежал вместе со мной к тягачу. У кабины пришлось переждать очередь с противоположного склона. Пули ударили над дорогой, и на ворот посыпалась каменная крошка.

Водитель всё ещё пытался выехать вправо. Добрался до ступени, потянул защёлку сервисного люка, но она не поддавалась. Попросил инструмент. Охранник сунул мне складные пассатижи и развернулся к дороге. Его автомат грохнул над самой головой; после выстрелов несколько секунд звенело в ушах.

Люк открылся со второго рывка. Внутри была знакомая рукоять со скобой. Потянулся больной рукой за край ступени, и плечо свело. Пришлось упереть колено в шину и отжать скобу здоровой рукой.

Рукоять не шла под нагрузкой. Закричал водителю, чтобы убрал ногу с педали. Обороты упали, удалось довести рукоять отключения до упора. На стекле погасла зелёная полоса.

Через открытую дверь показал ему бетонное ограждение. Он потрогал щёку ладонью, потом медленно повернул руль влево. Тягач отступил от края. Охранник освободил дорогу, а начальник помог водителю машины связи сдать назад. Когда появился проход, тягач провели мимо неё под выступ скалы.

Старая колея исчезла. За ограждением торчал обломок прежней опоры с полосой ржавого металла. Сзади заскрежетал фургон, и пришлось повернуться к нему.

Его водитель сдавал назад, уходя от налёта. Заднее колесо сорвалось с кромки и попало в водоотводный кювет у склона. Фургон накренился, ударился кабиной о камень. Задние двери распахнулись. Изнутри выпал ящик и раскололся на дороге.

Ольга выбралась из накренившегося грузового отсека. Она держалась за поручень обеими руками и звала охрану. За её плечом архивист пытался поднять второго, но у него самого кровь текла по шее. Ольга спустила на дорогу свёрнутую куртку, велела первому садиться на край и стала помогать ему выбраться.

Боец подхватил мужчину под мышки. Ольга удержалась на пороге и полезла за вторым. Мне оставалась кабина: водитель шевелился, но наружная дверь была прижата к камню.

До водителя можно было добраться через разбитое окно. За сиденьем стоял защищённый контейнер с оторванным ремнём крепления. Ручка оказалась передо мной: потянув за неё, можно было освободить место.

Водитель схватил меня за рукав. Ремень безопасности удерживал его на сиденье, замок оказался под перекошенным сиденьем. Мужчина открывал рот, но стрельба заглушала слова. На виске застрял кусок стекла.

Подтянул контейнер к окну, но тот зацепился нижним углом. Отпустил ручку, перелез грудью через край и стал искать крепление ремня. За спиной Ольга требовала, чтобы раненому придержали голову.

Следующий аппарат ударил фургон сверху. Меня бросило на водителя, в плече рвануло так, что потемнело в глазах. Потянуло горячим пластиком. Охранник схватил за пояс и потянул наружу, но пришлось вцепиться в раму.

— Нож дай. Он пристёгнут.

Охранник вложил нож мне в ладонь. Перерезал ремень и велел водителю опереться ногой о сиденье. Тот попытался, застонал и обмяк. Вытащить его одному не удалось. Позвал охранника ближе, объяснил, где держать, и мы вдвоём протащили мужчину через окно.

Контейнер остался в кабине, где из-под приборной панели уже выходил дым. Перенесли водителя за камень. Пальцы у меня разжимались сами, и выпавший нож поднял охранник.

Ольга с бойцом вытащили второго архивиста. Мужчина лежал на боку, прижимая руку к животу. Она проверила, дышит ли он, затем повернулась к фургону. В открытой двери был виден пристёгнутый к стойке накопитель. Ольга шагнула к нему, но над дорогой опять зажужжало.

С головной машины ударили по аппарату. Он отвернул к её огневой установке и взорвался у крыши. Через мгновение из-под капота пошёл огонь. Расчёт успел спрыгнуть за бетонное ограждение; один боец тащил другого за ворот. Начальник направил к ним двух охранников, а Ольге велел уходить от фургона.

Она ещё смотрела на накопитель. Потом присела рядом с архивистом и прижала его ладонь к повязке. Когда подошёл боец с носилками, помогла переложить мужчину. За её спиной в кузове занялся огонь.

За скальным выступом нас принял медик. Водителя положили у колеса тягача. Объяснил, как его держал ремень, и отступил, освобождая место. Рубашка у локтя промокла от чужой крови.

Вера появилась со стороны машины связи. Прижимала к груди раскрытый кофр; из одного отделения торчал вырванный кабель. Она вынула пенал с физическим ключом и убрала под бронежилет.

Повреждённый передатчик продолжал восстанавливать внешний канал. Отключить его с пульта не удавалось. Вера показала начальнику мигающий индикатор и объяснила, что повторные попытки оставляют колонну доступной для обнаружения. Тот отправил нас к задней панели под прикрытием охраны.

Удерживал снятую крышку коленом, пока Вера разъединяла питание. Большую руку прижал к животу. Она переставила крышку сама. После отключения индикатор погас; связист проверил свой переносной комплект и подтвердил, что местная связь сохранилась.

Вера спросила, не было ли удара по плечу. Сказал про окно фургона. Она подтянула сползшую лямку моей поддержки и остановилась, дожидаясь, пока я выпрямлюсь. Хотелось задержать её руку у себя на груди. Вместо этого придержал застёжку, которую она не могла нащупать сквозь перчатку.

— Пальцами пошевели.

Пошевелил. Вера посмотрела на руку, потом на меня и попросила медика осмотреть плечо перед выездом. Начальнику охраны она объяснила только, что я пока могу идти. О снятии сопровождения не просила.

Последний замеченный аппарат ушёл за склон. Охрана следила за небом, пока остальных собирали под выступом. Сидя у колеса, сверял людей с отметками бойца. Все добрались до укрытия; троих пришлось нести.

Тот же боец принёс обломки аппарата, упавшего рядом с тягачом. Сначала их осмотрел специалист охраны. С его разрешения Вера присела над расколотым корпусом. Внутри сохранилась пластина со служебной меткой. Её край почернел, однако знак базы Содружества читался.

Ольга остановила связиста, собиравшегося вынуть пластину. Сфотографировала корпус, затем метку крупно. Попросила бойца повторить на запись, где лежали обломки. Он показал на дорогу и назвал машину, рядом с которой их поднял. После этого Вера получила доступ к уцелевшему разъёму.

Строки журнала появлялись с пропусками. Когда корпус начал нагреваться, Вера отключила питание. Сохранённый фрагмент вывела Ольге отдельно.

В нём стояло обозначение тарнской маски. По объяснению Веры, это был подготовленный набор признаков для распознавания целей. Дата подготовки предшествовала решению комиссии о нашем выезде. Ольга достала копию решения, положила рядом с прибором и сняла оба времени в одном кадре.

Начальник спросил, доказывает ли метка, что нападали свои. Вера ответила, что принадлежность детали ещё не устанавливает оператора. Ольга добавила в запись его вопрос и её ответ. Журнал показывал раннюю подготовку, но имени отдавшего приказ в уцелевшем фрагменте не было.

Я рассказал про заходы на архив и антенну. Ольга уточнила, откуда смотрел. Показал нашу машину и место у колеса. О тюремном конвое смог сказать меньше: слышал обрывок команды и видел колею поверх асфальта. Связист проверил запись текущего эфира. Такой команды в ней не нашлось.

К половине восьмого раненых устроили в уцелевшем транспорте. Медик осмотрел плечо и закрепил руку удобнее. Попытался помочь с носилками, но боль вернулась сразу, и пришлось уступить место охраннику.

Ольга сверила пломбы оставшихся носителей. Два полных исходных комплекта уцелели. Третий остался в фургоне вместе с контейнером. Из выгоревшей машины их уже не достать. Опубликованные Сармские материалы хранились за пределами долины; мы потеряли местную копию и возможность предъявить её здесь в прежнем составе.

В запись об утрате Ольга включила своё решение вывести архивистов. Дала мне прочитать строку о водителе. Там было сказано, что контейнер я оставил в кабине, когда вытаскивал водителя. Подтвердил и подписал рядом. Она поставила время и пошла проверять крепление носилок.

Начальник охраны подозвал меня к машине. Протянул автомат бойца, который теперь сопровождал раненого, и выдал два магазина. В листе временной передачи оружия уже стояло

моё имя. Автомат следовало вернуть по первому требованию; двигаться предстояло рядом с назначенным охранником.

— Это не назначение командиром.

— Понял.

Расписался здоровой рукой, проверил магазин и предохранитель. Начальник забрал лист, убрал стяжку в карман и отправился вперёд.

Мы тронулись до восьми. Горевшую машину оставили у осыпи, и водитель тягача провёл остальных через узкий проход вручную. С поворота открылся спуск в долину. Связист принял ответ городского поста, переспросил номер нашего допуска и передал начальнику: заранее выданные пропуска больше не действовали. Я придвинул автомат к здоровой руке, чтобы освободить место для раненого водителя. Тот попросил воды, и до следующего поворота пришлось держать флягу у его рта.

Глава 2. Город под временным миром

2064 год. День 1, 11:00–15:00. Блокпост и резервуар Верхнего Тарна.

Шлагбаум подняли перед грузовиком с вооружённой сменой и опустили, едва его задние колёса пересекли белую полосу. Водовоз, стоявший перед нами, снова заглушил двигатель. Водитель положил пропуск на приборную панель, хотя боец за бетонным блоком уже отвернулся от него.

Начальник охраны вышел к дежурному. Раненых из конвоя уже приняли на медицинском посту. Я остался у двери, придерживая автомат здоровой рукой. Назначенный мне охранник стоял рядом и смотрел на людей с рабочими сумками под навесом.

За шлагбаумом начиналась городская улица. Женщина у первого дома положила хлеб в ведро, спущенное из окна, и дёрнула шнур. На воротах поста висела табличка о временном прекращении огня с несколько раз исправленной датой.

Лейла у водовоза показывала дежурному строчку в бланке. Боец пытался вернуть документы, но она не брала, пока он не посмотрел туда, куда указывал палец. Услышав Ольгу, подошла к нам.

Обняться мешали папка и мой автомат. Лейла коснулась здорового локтя и спросила, все ли доехали. Ольга ответила про раненых и фургон. Лейла отвела нас от очереди, чтобы не говорить о носителях возле чужих телефонов.

Она приехала две недели назад. Семьи пропавших просили помочь с запросами, которые возвращались без ответа. Здесь уже работал Рашид Тема: проверял сведения по кварталам и собирал подтверждения от соседей. Лейла переводила обращения и ходила с родственниками на приём. Сегодня её перестали пропускать к шахтным общежитиям.

На её пропуске стояла свежая отметка о приостановке действия. Причину не указали. За письменным ответом отправляли к коменданту.

Под навесом сидели двое ремонтников вентиляции. Один складывал в ящик инструмент после проверки. Место под прибор, унесённый в будку, оставалось пустым. Прохода ему так и не разрешили.

Водовоз снабжал дворы, куда не доходит давление. Пока ему разрешали заправку у резервуара за постом, жители пришли туда с канистрами.

Начальник охраны вернулся с дежурным. Комиссии разрешили пройти к резервуару на городской стороне и дожидаться коменданта. О допуске к узлу ответа ещё не было. Мой автомат дежурный записал отдельно; сопровождение сохранялось.

Водовоз пропустили к точке заправки под надзором. Когда водитель спросил про развоз воды по кварталам, боец потребовал другую отметку. Мужчина закрыл дверь. Канистры у колёс пришлось отодвинуть нам самим.

На городской стороне пахло нагретым бетоном. Резервуар стоял выше улицы, за подпорной стеной, а внизу из трубы набирали воду. Узкий двор перед ней упирался в старую решётку. За решёткой уходил под гору тёмный вход с заваренными створками.

Ольге разрешили снять заграждения, оставив пост за кадром. Лейла называла направление и спрашивала у местных, когда прекратили проход.

Пожилая женщина с тележкой рассказала, что вчера по нижней дороге выпускали к родственникам. Утром её развернули. Лейла проверила пропуск и попросила Ольгу записать отказ отдельно. На схеме кварталов эта дорога пока оставалась доступной.

Комендант приехал на служебной машине. Спросил начальника, зачем обвиняемому выдали автомат. Тот назвал номер временной передачи и сообщил об утреннем нападении. Комендант потребовал приложить запись к рапорту и провёл нас под навес.

Его планшет показывал план шахтного участка. Жилые корпуса были обозначены серым. Лейла спросила, сколько людей учтено в общежитиях, и комендант повернул экран к нам. В строке постоянного проживания стоял ноль.

Женщина с тележкой приблизилась и назвала свой корпус. Комендант ответил, что работники объекта учитываются по месту службы. На вопрос о детях он посмотрел на неё, затем снова на планшет. Отдельной строки для детей там не было.

Лейла положила на край стола копию обращения от жильцов. Внизу стояли подписи, собранные накануне. Комендант прочитал первую страницу и объяснил, что вопрос проживания требует сверки. Комиссии предоставят доступ к заявленным объектам, а людей с подтверждённым статусом свидетеля разрешат вывезти по особому списку.

— Остальные — обычные работники объекта, — сказал он. — Их смены обеспечивает дирекция.

Лейла спросила, кто отвечает за их выход после смены. Комендант предложил передать вопрос письменно. Она пододвинула готовый запрос, потребовав копию с отметкой о приёме.

На планшет пришло сообщение. Допуск к узлу восстановили на ограниченное время: пройти следовало между двенадцатью двадцатью и часом дня. Комендант показал сообщение начальнику охраны и предупредил, что после часа маршрут займёт служебный транспорт. Задерживаться возле резервуара он не советовал.

Я посмотрел на часы. До начала окна оставалось меньше получаса, и хотелось посадить всех обратно в машины. Сказал Лейле, что внутри можно будет проверить размещение людей и потребовать отдельный выход уже по фактическому числу. Она вытащила из папки карту и положила передо мной.

Лейла показала квартиру женщины с тележкой. Женщину можно было включить в список свидетелей, а основания для вывоза внучки ещё требовалось подтвердить. В соседнем подъезде жила семья задержанного ремонтника.

— Кого из них ты предлагаешь оставить до проверки?

На полученной у дежурного схеме начал отмечать место сбора у нижнего выезда. Лейла остановила мою руку: сегодня там не смогли пройти даже по действующим пропускам. Прежде чем назначать место, надо было получить ответ о дороге.

Комендант принял запрос, но проходимость дороги не подтвердил: ждал распоряжения. Начальник охраны передал условия допуска руководителю выезда. Ольга снимала разговор, держа документы в кадре.

Первый выстрел ударил по трубе над водоразбором. Вода брызнула на женщину у крана. Она отшатнулась, выпустила канистру, и почти сразу мужчина за ней упал на колено. Его развернуло боком; под ладонью, прижатой к бедру, появилась кровь.

Охранник толкнул меня под навес. Вторая пуля выбила крошку из края стола. Комендант присел за бетонный столб, планшет упал экраном вниз. Начальник охраны уже раздавал указания, но от резервуара шло эхо, мешавшее понять направление огня.

Люди расходились по дворам без общей команды. Мужчина у крана открыл знакомую дверь и придержал для остальных. По знаку Лейлы пожилая женщина оставила тележку и пошла между домами, держа ладонью за стену.

Раненый оставался перед трубой. Он пытался ползти, но нога волочилась за ним. Между навесом и стеной проходил открытый участок. Наш боец посмотрел вверх, затем на меня и указал на прямоугольную крышку у ног: под ней находилась камера обслуживания водопровода.

Боец поддел край лежавшим у стены ломиком. Я взялся здоровой рукой за ручку. Вдвоём подняли крышку и опёрли на бетонный бортик. Боец спустился на ступень ниже, а я подал ему ремень от сумки, валявшийся у трубы.

До раненого добрался второй охранник. Подхватил мужчину под мышки и протащил к нам, оставляя на бетоне кровавую полосу. При следующем выстреле они оба прижались к

стене. Я высунул руку, поймал ворот куртки и помог втянуть раненого за поднятую крышку. Дальше его спускал боец; плечо уже не позволяло удерживать вес.

Бетон закрывал раненого со стороны двора. Боец накладывал жгут, а я с верхней ступени придерживал крышку. Под её край пришлось подложить ломик.

Начальник сообщил о малом аппарате над резервуаром. На воде мелькнуло отражение. Боец развернул автомат, но начальник остановил его, указав на жилой дом в линии огня. Сам аппарат переместился за верхний край подпорной стены.

Возле старой решётки задержалась семья. Отец держал мальчика за руку, мать прижимала к себе свёрток с вещами. Они смотрели мимо ворот, туда, где под стеной вдруг оказался человек в шахтёрской куртке. Его налобный фонарь освещал щебень у ботинок.

Шахтёр повернулся вполоборота и махнул рукой. Решётка за ним казалась открытой. Из глубины донёсся стук, будто по камню протаскивали тяжёлый кабель, и я уже знал, куда поставить ногу, чтобы пройти следом.

— К штольне. Вдоль стены.

Отец повёл мальчика к воротам. Позвал его остановиться и сам едва не поднялся навстречу знакомому направлению. Под здоровой ладонью скользнул край крышки; она стукнула о ломик. Посмотрел вниз, на пальцы, потом на стену. На створках проступили заваренные швы.

Крикнул мужчине, чтобы проверил дверь. Он дёрнул её на ходу и ударился плечом о прутья. Мальчик заплакал. Шахтёр снова показал внутрь, повторяя тот же жест, хотя отец уже тянул ребёнка обратно.

Лейла добралась до них вдоль стены. Подтолкнула мать к углу ближайшего дома, отец пошёл следом. Над их головами откололся кусок штукатурки. Лейла придерживала дверь, пока вся семья не оказалась во дворе.

Наши охранники открыли огонь по верхнему краю стены. Аппарат показался над ней, резко набрал высоту и ушёл за крышу. Попадания я не видел. Начальник приказал не выходить из укрытий и вызвал наблюдателя на соседнюю улицу.

Шахтёр исчез, когда я отвернулся от ворот. На прутьях висела табличка о запрете прохода после обвала. Мужчина из соседнего двора подтвердил: вход заварили задолго до нынешнего прекращения огня. Позже Ольга сняла швы и табличку.

Медик добрался по проходу между домами, проверил работу бойца и велел готовить переноску. Я отпустил крышку, когда охранник закрепил её ремнём. Ладонь дрожала от напряжения.

Двор опустел. У трубы лежала простреленная канистра, вода продолжала течь по бетону. Лейла вернулась за папкой и первым делом спросила у коменданта, куда теперь идти людям, которым он предлагал ждать. Тот поднял планшет, вытер экран рукавом и вызвал дополнительный пост.

До часа оставалось несколько минут. Начальник охраны получил подтверждение, что допуск ещё действует, если машины отправятся немедленно. Он передал это руководителю выезда. Ольга попросила сначала зарегистрировать присутствие жителей и факт обстрела места, где их удерживали.

Женщина с тележкой вернулась вместе с внучкой. Комендант открыл форму дополнительного учёта. Для согласившихся жителей записывали показания, для остальных Лейла просила указать число людей по домам, без публикации имён.

К часу машины оставались у резервуара. Сотрудница комиссии принимала документы, а Лейла проверяла, чтобы отметка о ребёнке попала в копию для семьи. Руководитель выезда велел продолжать регистрацию. Окно доступа закрылось.

Вера запросила основания задержки водовоза. Комендант разрешил вывести ограниченную выписку на её прибор. В выписке было описание целевой маски: машина обеспечивала неучтённую группу.

Водитель показал маршрутный лист с адресами дворов. Вера положила его рядом с выпиской. Программа верно распознала, что он снабжает водой людей, которых нет в жилищном реестре. Запрет возник на следующем шаге, когда эту связь сочли основанием для ограничения движения.

Лейла передала свой пропуск. У неё основанием оказалось посредничество между несколькими группами жителей. Вера спросила, переводила ли она вчера коллективное обращение. Лейла подтвердила и показала копию. Вера сравнила время регистрации запроса с отметкой об ограничении.

Подошёл мужчина с гражданским удостоверением на шнурке. Представился Егором Салиным, оператором узла, потребовал вернуть ремонтнику прибор. Дежурный объяснил, что инструмент задержан вместе с владельцем.

Егор положил на стол служебную заявку. В ней стояла отметка о неисправности заслонки. Пока привод работал вручную, у него должен был постоянно оставаться человек. Егор показал последнюю запись смены и время, к которому требовалась проверка. Назначенный срок уже прошёл.

Вера попросила выписку по ремонтнику. Дополнительная проверка была связана с его доступом к нескольким убежищам. Егор прочитал строку и объяснил, что иначе обслуживать вентиляцию невозможно: один и тот же человек проходит вдоль всей линии. Дежурный посмотрел на коменданта.

Комендант разрешил разовый проход под ответственность оператора. Егор проверил прибор, передал ремонтнику и расписался. Вера попросила сохранить время задержки вместе с исходным запретом, который назвала ошибкой отбора.

Егор возразил. Программа не раз останавливала опасные включения; сегодня требовалось исправить допуск работника, а не отключать управление. Вера попросила приложить к записи это объяснение.

Он согласился. В свой журнал внёс срок начала проверки и время освобождения ремонтника. На смену они ушли вместе, сверив у ворот номер заявки с пропуском.

После двух пришло распоряжение закрыть нижнюю дорогу. Дежурный принял его при нас и вывесил у шлагбаума. На вопрос Лейлы о другом пути для жителей ответил, что согласованного выхода пока нет. Ольга записала время. Я зачеркнул на своей схеме место сбора, которое успел выбрать до стрельбы.

Проверка общежитий тоже принесла ответ. Постоянно проживающих там по-прежнему не значилось, зато в рабочем реестре нашлись действующие карточки людей, которых искали семьи. Сотрудница комиссии позвала Ольгу с полученной выпиской.

Лейла узнала фамилию в первой карточке. Женщина, подписавшая утренний запрос, разыскивала мужа, переведённого из прежней зоны операции. Ольга открыла свой указатель Сармских материалов и сверила личный номер. Он совпал. В тарнской карточке мужчина числился живым работником с местом размещения в общежитии, считавшемся пустым.

Данные второй карточки совпали с обращением другой семьи. Человеку продолжали назначать смены. Сотрудница комиссии отметила, что его присутствие ещё предстоит установить: пока найдена только запись.

Лейла попросила не сообщать семьям о находке как о возвращении пропавших. Сначала надо было выяснить, кто пользовался карточками и когда этих людей видели. Ольга закрыла имена на общем кадре, сохранив полную копию для проверки.

К трём комендатура предложила комиссии ждать нового допуска в грузовом депо. Начальник охраны начал собирать машины. Я передал Лейле свою схему с зачёркнутым местом

сбора и попросил нанести только проверенные проходы. Она сложила её вместе с копиями принятых обращений. Пока мы уходили от резервуара, женщина с тележкой показывала соседке отметку о внучке; соседка подвинула к столу свой документ, и сотрудница комиссии открыла следующую форму.

Глава 3. Три цели одной группы

2064 год. День 1, 17:00–20:00. Грузовое депо Верхнего Тарна.

Носитель в защитной рамке не помещался в карман. Ольга повернула его боком и вернула в кофр. После пожара в утреннем фургоне она хотела держать копию при себе, но разбирать крепление не стала. Попросила убрать кофр под стол, в тень.

Нас разместили у весовщика. За стеклянной перегородкой стояли два ряда вагонов с колёй для наземных машин между ними. Дежурный запретил ставить там вещи, хотя двор казался пустым.

Начальник охраны проверял выход. Ответа о допуске к узлу ещё не было. От резервуара пришли жители за копиями обращений. Женщина с перевязанной кистью ждала у двери, пока сотрудница комиссии исправит номер квартиры.

Рашид принёс пропуска в конверте. Разложил на столе, попросив не менять местами: в каждом было своё направление. На фотографии край штампа пересекал лицо Лейлы.

Он показал мне, куда ведёт разрешённый маршрут. У нижней дороги людей принимал один проверочный пункт. На западном выходе стоял другой. Попасть оттуда к родственникам можно было лишь после отдельного решения, а выдавал его уже не городской пост.

На вопрос о другом выходе Рашид перечеркнул проход за домами: к вечеру закрыли и его. Показал сообщение дошедшего до ограждения человека с отметкой времени.

Комендатура предложила ускорить рассмотрение, если местная сеть передаст общий список жильцов. Рашид отказался. В его папке лежали подтверждения от домов, но собирать их в один файл для военного поста жители ему не поручали. На вопрос начальника охраны, как тогда выводить людей, он ответил, что сопровождающие готовы отвечать за свои дворы. Одного распорядителя на весь город у них нет.

Лейла проверила пропуска и спросила про семью у шахтного входа. Рашид показал сообщение: мальчик с родителями добрался домой. Лейла прочитала дважды и попросила отметить заваренную дверь на местных схемах.

Ольга подтянула к себе кофр. Два исходных комплекта после засады оставались здесь, в депо. За пределами долины хранилась опубликованная часть Сармских материалов, и уничтожить её пожаром в одном фургоне было невозможно. Но тарнской выписки там ещё не было. Не ушла наружу и запись о нападении на конвой.

В её указателе следующий раздел оставался незаполненным: подтверждение доставки новых материалов не пришло. Связист передавал пакет с переносного комплекта, но внешний сеанс обрывался. Принятый заголовок ещё не означал доставки самой записи.

Спросил о времени. Ольга показала неподвижную полосу передачи. Нужен был другой канал с подтверждением приёма. Если двигаться дальше, носители следовало разделить.

На схеме узла Вера прослеживала линию от жилых корпусов под склон. Линия обрывалась у знака технического помещения. Вместо запрошенной рабочей схемы сопряжения комендатура прислала часы посещения.

Ольга предложила прежде вывезти новые записи и только потом добиваться доступа. Вера возразила: если здесь уже соединяли живых людей с рабочими модулями, одних журналов будет мало. Пока комиссия ходит по разрешённым комнатам, конфигурацию можно изменить. Она хотела добраться до аппаратуры и выяснить, что требуется для её остановки.

Лейла положила поверх технической схемы лист с адресами убежищ. За стеной одного из помещений, которое Вера собиралась отключать, могли находиться семьи. Убирать питание без проверки она не позволяла. Рашид уточнил, что точного плана закрытых уровней у него нет; он знает проходы к жилью, а не устройство всего рудника.

Пока они спорили над картой, я проверил ремень автомата. Хотелось получить дверь, которую можно открыть руками, и перестать ждать, пока разные решения сойдутся в одно. До военного входа, по словам Рашида, можно было добраться через отвалы. Предложил сходить туда одному, выяснить порядок прохода и вернуться.

Лейла спросила, кто подтвердит, что я дошёл. Ольга напомнила про охрану. Вера молчала, и я добавил, что остальных обвиняемыми пока не объявляли. Если меня задержат, комиссия сможет продолжить работу без нового повода для отказа.

— А я должна ждать, где тебя в этот раз будут искать? — спросила Вера.

Сказал, что хочу проверить вход. Вера посмотрела на лямку у моего плеча и вернула схему на середину стола. На схеме было указано направление; свободен ли путь, по ней установить было нельзя.

Начальник охраны вернулся и отказался отпускать меня одного. За безопасный осмотр он отвечал, но передавать мне своих людей не собирался. Я убрал руку с карты: обещать, что справлюсь, после утреннего спасения с чужой помощью было неловко.

Лейла начала с убежищ. Если действие могло перекрыть людям воздух или дорогу, она требовала остановить его до проверки. Вера согласилась отвечать за опасные подключения. Без её подтверждения мне предстояло ограничиться механикой, не включая аппаратуру. Ольга оставляла за собой решение о передаче материалов и защите имён живых свидетелей.

Я взял на себя проход. С заевшим приводом мог помочь, а решения о подключении оставались за Верой. Рашид согласился идти рядом там, где знал местность. На незнакомом уровне обещаний не давал.

Для остановки выбрали простую фразу: «Не беру». Услышав её от ответственного за участок, остальные должны были приостановить связанное действие и выяснить причину. При потере связи продолжать опасное включение запрещалось. Начальник отдельно предупредил, что огнём его людей распоряжается он сам.

Запись заняла больше времени, чем я ожидал. Ольга заставила уточнить, что считать связанным действием, а Лейла не согласилась с формулировкой, позволявшей отложить гражданский выход до завершения осмотра. Мы исправили её. Общего командира над всеми участниками так и не назначили.

Когда остальные отошли от стола, Вера помогла мне перестегнуть ремень автомата. Пряжка цеплялась за лямку поддержки. Она работала молча, близко, и от этого хотелось считать наш спор законченным. Потянулся придержать её за запястье, но остановился, когда она подняла глаза.

— Если пойдёшь один, это будет твоё решение, — сказала она. — Моего согласия в нём не будет.

Кивнул и отпустил ремень. Вера проверила, не тянет ли он плечо, затем забрала со стола прибор. Идти рядом она согласилась. О том, что будет между нами после, ничего не обещала.

В грузовом дворе заскрежетал металл. За стеклом медленно прошёл наземник с поднятой огневой установкой. Следом из-за вагона показался второй. Дежурный депо, стоявший у своего пульта, сообщил начальнику охраны, что это местные машины: пост прислал их проверить загрузочную полосу.

Начальник потребовал остановить движение, пока из двора не выведут людей. Дежурный передал запрос, но первый наземник уже повернул между вагонами. С крыши склада сорвался малый летательный аппарат. Очередь ударила в борт наземника, затем по стене возле нашего окна.

Стекло рассыпалось на стол. Ольга стянула кофр вниз, Вера погасила экран. Я пригнулся за весами и увидел, как женщина с перевязанной кистью падает у двери. Она держалась за порог, пытаясь отползти от открытого прохода.

Начальник охраны вывел своих к вагонам. Первый наземник ответил вверх, и по крыше застучали гильзы. Второй развернул установку в сторону склада, где за дверью ещё оставались работники. Дежурный кричал в трубку, требуя снять запрет на их выход. В ответ ему предлагали очистить полосу движения.

Из-за вагонной сцепки прошёл ещё один аппарат и ударил по двери весовой. Меня обдало пылью. Автомат удалось подхватить, прежде чем он ударился о пол; больное плечо всё равно дёрнуло. Рашид втянул женщину за перегородку и позвал сотрудницу комиссии помочь прижать повязку к её ноге.

Лейла уже выводила людей через внутреннюю дверь. Оттуда можно было попасть в погрузочный пролёт и дальше к ремонтным воротам. Дежурный передал ей ключ, но предупредил, что у выхода висит неисправная перегрузочная платформа. Начальник послал туда бойца, а сам остался прикрывать проход между вагонами.

Платформа висела на цепях над рельсами. Рашид направил носильщиков в обход возле стены. Мы ждали, пока там протиснут человека на самодельных носилках из складской двери.

С другой стороны платформы послышался свист. Грузчик в потемневшей рубаше махнул нам, приглашая пройти под настилом. Рядом второй подхватил канат и потянул вниз. Платформа поднялась, открывая широкий проход, а в глубине пролёта на миг стало светлее.

Носильщик повернул туда первым. Я тоже шагнул к рельсам: теперь можно было провести раненого, не задевая стену. Грузчик придерживал канат, и от его движения у меня напряглись пальцы, будто следовало взяться рядом и помочь.

Рашид схватил переднего носильщика за рукав. Я посмотрел выше платформы, где должен был двигаться противовес. Грузчик тянул канат, а настоящий бетонный блок оставался на месте. На его направляющей засох потёк краски. Зазор между блоком и отметкой не менялся.

Попросил опустить носилки. Передний носильщик не услышал и снова потянулся вперёд. Пришлось закрыть ему дорогу. Рашид помог поставить раненого на пол. За их спинами грузчик повторил свист и ещё раз выбрал тот же отрезок каната.

Платформа снова оказалась низко. У края настила торчал погнутый крепёж; пройти под ним с носилками можно было только согнувшись. Над цепью осыпалась ржавчина. Из двора донёсся удар, и по опоре прошла дрожь. Рашид оттащил носилки ближе к стене.

Я показал на дверь под лестницей. Он проверил связку дежурного, нашёл ключ, но замок открылся лишь наполовину: створку удерживала нижняя задвижка. До неё можно было дотянуться через вырез в обшивке. Присел, нащупал конец стержня и попросил свет.

Одной рукой сдвинуть задвижку не удалось. Рашид принёс из открытого шкафчика длинный ключ. Показал ему, куда упереть. Пока он давил, придерживал стержень пассатижами, взятыми утром у охранника. Стержень наконец вышел из гнезда, и дверь открылась внутрь ремонтной канавы.

За дверью шёл низкий проход вдоль стены. Рашид проверил выход во двор за ремонтными воротами, в стороне от наземников. Предупредив про порог, начал переводить людей. Носилки пришлось приподнять, но под платформу больше никто не пошёл.

Через пролёт занесли ещё одного раненого. Охрана держалась у вагонов, прикрывая переход из склада, а местные мужчины сменяли друг друга на носилках. Лейла считала выходявших у ремонтной канавы. Когда боец предложил ей уйти первой, она показала на оставшихся у стены людей и попросила подержать дверь.

Ольга принесла один кофр, второй оставался в весовой. Я хотел вернуться, но начальник охраны остановил меня у выхода в простреливаемый двор. Его боец добрался туда вдоль вагона и вынес кофр вместе с оставшейся сотрудницей комиссии. Я принял груз у порога и поставил на пол, не пытаясь поднять больной рукой.

Переносной передатчик достать не успели. Дежурный сообщил, что в весовой загорелась проводка, и показал дым за разбитым окном. Ольга смотрела туда, пока связист не подтвердил, что сам вышел. Потом раскрыла оба кофра и начала разделять носители.

Один комплект передали Лейле при сотруднице комиссии, проверившей пломбу. Имя получателя Ольга оставила в закрытом журнале хранения. Ключ Вера держала под бронежилетом, отдельно от носителей.

Мы собирались выходить из ремонтного двора, когда на приборе Веры появился входящий вызов. Связь пришла через действующий служебный канал депо. Дежурный подтвердил адрес отправителя, и Вера включила запись прежде, чем открыла сообщение.

Кастин предлагал организованный выход через восточный контроль. Условием была передача физического ключа его представителю. Доступ комиссии к материалам он обещал сохранить. Вера дала прочитать сообщение Ольге, затем повернула экран ко мне.

— Ключ останется у меня, — сказала она.

Ответ ушёл в том же сеансе. Кастин его получение подтвердил, но повторного предложения не прислал. Вера сохранила сообщения и попросила дежурного выгрузить служебную запись движения наземников. Он согласился после разрешения начальника поста.

Охрана сбила аппарат над загрузочной полосой. Оператор поста принёс Вере извлечённую из обломков полётную запись. Имени владельца в ней не было. Маршрут до удара и отметка цели сохранились.

На плане депо появились две линии. В обеих масках был указан наш тягач у вагона. Наземникам предписали задержать неучтённый груз, летательному аппарату — подавить вооружённое сопровождение. Время заданий сводило машины в узком проезде: наземник закрывал тягач корпусом и попадал под огонь сверху.

Вера совместила начало маршрутов. Они были подготовлены до того, как дежурный запросил помощь для комиссии. Нам ещё предстояло установить, кто отправил задания. Пока было видно, что машины должны встретиться здесь независимо от того, успеют ли люди освободить двор.

Ольга попросила сохранить исходные выписки отдельно от совмещённой схемы. Потом Вера открыла фрагмент журнала утреннего аппарата. В одной из уцелевших строк стояло то же обозначение, что в предложении Кастина: организованный выход через восточный контроль. Ольга сняла совпадение и время обоих сообщений.

Начальник охраны вернулся от вагонов. До улицы его люди могли провести комиссию и раненых. На верхнюю лестницу, откуда шла дорога к отвалам, бойца он не выделял: двое оставались у последней группы носилок. Лейла запросила местное сопровождение, но человек Рашида ещё не дошёл до лестницы.

Пришлось ждать ответа. За воротами снова заработал двигатель наземника. Хотел занять верхнюю площадку сам, пока остальные проходят, однако Вера остановила меня условленной фразой. С этой позиции меня не было видно со двора, а связь через стену уже пропадала. Без подтверждённого прикрытия она выход не принимала.

Рашид предложил обойти лестницу вдоль ремонтной стены. Путь был длиннее и начинался с низкого участка, где приходилось идти пригнувшись. Я посмотрел на площадку, которую никто не занял, затем вернулся к нему. Начальник согласовал проход до угла со своими бойцами, и только после их ответа мы двинулись.

К восьми депо осталось за спиной. Часть груза горела в весовой; две копии теперь несли разные люди. Рашид показал на отвалы, за которыми начинался подход к военному входу, и сообщил, что там стоит группа Павла. Я поправил ремень, освободив здоровую руку для спуска. Лейла шла впереди с Рашидом, а Вера задержалась у поворота, пока не увидела, что я иду следом за остальными.

Глава 4. Голос в чужой гарнитуре

2064 год. День 1, 22:00–01:00 дня 2. Отвалы и канатная дорога.

У опоры нас остановили светом фонаря. Луч прошёл по пропуску в руке Рашида и задержался на моём автомате. Из-за бетонного основания вышел боец и жестом велел остальным остаться на месте. На склоне выше щёлкнул затвор, и наш начальник охраны поднял ладонь, останавливая своих.

За спиной темнели отвалы. От города мы шли по узкой дороге, на которой две группы не могли разминуться без остановки. Лейла держалась ближе к стене старой станции. Под её курткой лежал носитель; кофр пришлось отдать сопровождающему, иначе подняться сюда она бы не смогла.

Павел появился со стороны служебного прохода. Проверил удостоверение начальника, потом пропуска комиссии. До моего дошёл последним. Фонарь под его рукой осветил фотографию, край бумаги потемнел от влажных пальцев.

Он спросил, кто разрешил мне носить оружие. Начальник назвал номер передачи, объяснил обстоятельства засады и предложил сверить запись. Павел выслушал до конца. Пропуск комиссии признал действующим, но выпускать меня вооружённым на свой участок отказался.

— Автомат охране. Руки под стяжку. Дальше под полным конвоем.

Снял ремень через голову, стараясь не задеть плечо. Передал оружие своему охраннику, назвал число магазинов. Павел следил за руками. Когда ремень зацепился за лямку поддержки, Вера шагнула ко мне, но боец у опоры велел ей остановиться.

Начальник охраны сказал, что за моё перемещение отвечает он. Стягивать руки человеку с повреждённым плечом на этой дороге опасно. Между двумя его бойцами я и так не уйду. Павел потребовал сначала проверить медицинскую отметку.

Пока начальник доставал документ, один из бойцов наверху передал команду соседнему посту. Левую ладонь он прижал к чашке гарнитуры, правой показал напарнику подождать. От знакомого жеста вспомнился связист из Линского коридора. Прежде по движению его плеча удавалось понять, когда он ответит, ещё до голоса.

Теперь голос не появлялся. Помнил, что человек задерживал ладонь у уха, когда плохо слышал, и знал по собственной записи, что однажды перестал узнавать его речь. Попробовал представить короткое подтверждение в эфире. Получились обычные слова без звучания. Боец на посту уже опустил руку, а я всё ещё ждал того, чего вспомнить не мог.

Павел вернул медицинский лист. Сказал начальнику поставить меня между конвоирами до решения о проходе. Ольга хотела спросить, сколько займёт проверка, но из станции вышел Кирилл с пультом на ремне. На одной стороне гарнитуры у него отогнулся мягкий край накладки. Он прижимал его пальцем, одновременно всматриваясь в экран.

Кирилл кивнул мне, но сразу заговорил с Павлом. Сигнал у дальней опоры пропадал, и требовалось поднять ближнюю группу аппаратов. Павел разрешил наблюдение над канатной дорогой, запретив перенос к жилым площадкам без отдельной проверки.

Расчёт размещался в пристройке станции. Внутри у стены стояли раскрытые транспортные ящики. На экране Кирилла числилось тридцать шесть исправных аппаратов. Он отметил шесть, и над порогом прошёл первый; остальные поднимались следом, расходясь вдоль каната.

Нам велели укрыться под козырьком. Оттуда виделась служебная вагонетка, медленно приближавшаяся со стороны соседней опоры. Двое работников сидели возле инструментального короба. Один махнул фонарём посту. Павел подтвердил приём и показал бойцу на площадку разгрузки.

Кирилл вдруг перестал водить пальцем по экрану. Ответил в гарнитуру, что перед опорой чисто. Потом резко поднял голову и потребовал от расчёта уйти от наружной стены. Боец с переносным пультом замешкался, пытаясь забрать крышку ящика.

— Ящик оставь, — сказал Кирилл. — За бетон.

Он сам втолкнул бойца в проход. Через несколько секунд за наружной стеной коротко ударило, и козырёк посекло осколками. Над опорой показались два малых аппарата. Один сбили с поста, второй ушёл в сторону каната. Кирилл повернул свои машины на наблюдение, не посылая их навстречу взрыву.

Павел приказал остановить вагонетку. Работник у короба потянулся к связи, а второй уже лёг на дно. Стрельба с поста прекратилась, когда чужой аппарат спрятался за опорой. Кирилл следил за ним через боковую камеру одного из своих дронов.

Тогда услышал голос из его гарнитуры. Кирилл снял одну чашку и держал её возле щеки; из неё доносилась мужская речь. Голос велел оставить наружную площадку пустой и повторил, что за опорой две машины. Накладка шуршала о ворот, мешая разобрать последнее слово.

Я спросил, кто предупредил. Кирилл посмотрел на меня, потом вернул чашку на ухо. Ответил, что помощник увидел движение раньше, чем он сам выделил его на картинке. Когда повторил вопрос о голосе, Кирилл сказал, что это голос брата.

Мы стояли близко, и говорить громче не требовалось. Уточнил, есть ли связь с живым оператором. Кирилл покачал головой. Вера попросила показать источник подсказки. На экране остался кадр боковой камеры: у края опоры различались два корпуса, прежде скрытые в помехах изображения.

Предупреждение оказалось полезным. Там, где секунды назад стоял расчёт, теперь лежала пробитая крышка ящика. Вера сохранила кадр и время команды. Кирилл забрал пульт, прежде чем она успела открыть следующий раздел.

В гарнитуре снова заговорили. Кирилл повернулся к нижней дороге и начал менять расположение аппаратов. Спросил у Павла разрешение закрыть подступ со стороны Складского квартала: помощник предлагал перенести туда наблюдение, пока чужие дроны держатся за опорой.

Название остановило меня. На карте Лейлы в этом месте были западные общежития. Слово «Складской» встречалось лишь на старой подложке, которую Рашид показывал в депо. Попросил Кирилла не подтверждать перенос, пока не сверим площадку.

Он ответил, что там виден удобный подход и аппараты успеют вернуться. Лейла подошла с картой. За бывшим складом у неё был отмечен двор, где собирали людей из двух ближайших домов. После обстрела у резервуара сопровождающие переводили туда часть семей.

Кирилл снял гарнитуру и протянул мне одну чашку, оставив вторую у себя. Мужской голос повторил предложение. В нём двор оставался свободной площадкой для развёртывания. Держал чашку здоровой рукой, а другой прижимал к себе лямку, чтобы она не сползала с плеча.

Спросил про людей. Голос сделал паузу, после чего снова назвал площадку незанятой. Вера показала Кириллу дату картографического слоя. Его помощник пользовался текущим изображением опоры, но жилой квартал оценивал по другой записи. На ней новые пристройки ещё отсутствовали.

Кирилл остановил перенос. Два аппарата, уже повернувшие к склону, вернулись на прежние места. Лейла потребовала сообщить сопровождающим, что над двором могли появиться военные машины. Рашид отошёл к стене станции, где телефон ещё принимал местную сеть, и занялся предупреждением.

Из-за дальней опоры показался чужой аппарат. Он прошёл вдоль каната к остановленной вагонетке. Павел выстрелил первым, но машина успела ударить в подвес у направляющего узла. Вагонетка провалилась вниз, перекосилась и врезалась краем в служебную площадку.

Короб вылетел на настил. Один работник перелез через борт, упал на колени и отполз. Второй остался внутри. Вагонетка повисла наклонно, удерживаемая перекрученным подвесом. Через дыру в борту было видно, как мужчина пытается вытащить ногу.

Павел направил своих к опоре. Наш начальник удержал комиссию под козырьком и выслал двух бойцов прикрыть подход со стороны дороги. Я попросил разрешения помочь у вагонетки. Павел посмотрел на мои пустые руки и велел держаться за своим охранником.

Добирались вдоль стены. Площадку посыпало щебнем, когда над ней снова ударили по металлу. Охранник пригнул меня за опору. Выждали, пока Павел перенесёт огонь, затем спустились к накренившемуся борту.

Ногу работника придавило отогнувшимся краем днища. Тянуть человека наружу за плечи было опасно: он закричал уже от первого движения. Попросил удержать его на месте и показал бойцу, где надо приподнять металл. Тот принёс штатный лом с площадки разгрузки.

Под конец лома подложили отвалившийся упор. Попробовал нажать здоровой рукой, но удержать рычаг под нужным углом не получалось. Охранник взялся рядом, а я направил конец в щель. Вместе отжали край, и второй боец освободил ногу. Мужчина сам подтянулся на локтях, пока его принимали за бортом.

Павел оставался выше нас. Через просвет у опоры видел его автомат, положенный на бетонный выступ. Он прикрывал площадку, пока работника переносили к стене. Когда мы вернулись, спросил бойца о раненом и распорядился вызвать переноску со станции.

Прямой спуск к станции теперь лежал под огнём. Рашид показал обход по краю отвала, куда не выходила линия от дальней опоры. Двое носильщиков подняли работника. Мы двинулись следом, держась у основания стены.

Склон впереди изменился. Под ногами возникла широкая полка, освещённая фонарями снизу. По ней шли шахтёры, пригнувшись под поперечиной. Один нёс на плече свёрнутую куртку. Он повернулся, показывая, что надо спускаться за ним.

Рядом, на той же высоте, солдат тащил раненого вверх. Его сапоги скользили по камню, лицо было повёрнуто к нам. Губы двигались, но сквозь стрельбу слышалось только требование держаться выше. Следом по склону покатила пустая вагонетка и прошла через место, где стоял шахтёр.

Направления накладывались друг на друга. Хотелось поставить ногу на освещённую полку, хотя нащупать её подошвой не удавалось. Опустился на колено и провёл здоровой рукой по камню перед собой. За краем ладонь встретила пустоту. Фонарь одного из бойцов выхватил стенку обрыва ниже моих пальцев.

Остановил носильщиков. Задний уже переступал на несуществующий уступ; охранник удержал его за ремень. Раненый повис на носилках боком и застонал. Пришлось сначала поставить его у стены, затем развернуть обоих мужчин лицом к настоящей дороге.

Павел вызвал двух бойцов с катушкой кабеля от поста. Один проверял край фонарём и щупал камни ломом, второй укладывал кабель по безопасной стороне. Его закрепляли у существовавших опор, обозначая границу, за которую нельзя переступать. Держаться за него весом Павел запретил.

Шахтёр снова шёл вниз. Над ним повторялся подъём солдата, и каждый раз хотелось помочь одному из них. Смотрел на кабель у ботинок охранника, пока мы двигались вдоль стены. На повороте он заслонил мне склон спиной. Дальше пришлось следить только за его шагами и за носилками впереди.

У станции раненого приняли под крышу. Кирилл посадил наблюдавшие за опорой аппараты, проверил их и поднял сменную группу из оставшихся. Ни одного своего он не потерял. На экране по-прежнему числилось тридцать шесть машин, но заряда первых шести хватало уже ненадолго.

Павел обошёл расчёт, проверяя людей. О своём требовании он не забыл: велел мне оставаться между конвоирами, пока начальник охраны согласует обход. Я сел у дверного косяка. Плечо болело при каждом вдохе, и пришлось ослабить пряжку на груди.

Кирилл присел рядом с Верой за раскрытым ящиком. Отсюда Павел их не видел. Оператор снова надел гарнитуру, выслушал фразу и быстро нажал отмену на экране. Потом вынул из пульта небольшой носитель и положил Вере в ладонь.

Мне было слышно: на носителе был фрагмент карты постов. Кирилл попросил не выдавать источник и не отключать помощника. Вера спросила, понимает ли он, что голос соединил разные источники. Кирилл посмотрел на пробитую крышку ящика у порога.

— Маршрут я снял. Голос пока оставляю.

Вера закрыла носитель пальцами. Ответила, что без согласия не полезет в его пульт, но следующий совет придётся проверять так же, как этот. Кирилл кивнул не сразу. Прежде чем подняться, ещё раз послушал гарнитуру.

Павел вернулся с начальником охраны. Комиссию он соглашался пропустить по внешнему обходу, минуя военную площадку. Оружие мне вернут за границей поста под ответственность сопровождающих. Дальше подниматься к его огневым позициям запрещалось. Полного маршрута через сектор он не дал.

Лейла спросила о проходе для жителей. Павел показал только участок до следующего контрольного места. За него отвечал другой пост; обещать дальнейший выход он не стал. Ольга записала условие, после чего начальник охраны подтвердил состав и порядок движения комиссии.

Вера убрала карту Кирилла, не показывая Павлу. У меня оставалась запись двух масок из депо, и можно было потребовать объяснений прямо здесь. Вместо этого спросил, кто примет носилки. Павел назвал пост и дождался подтверждения по связи.

Когда остальные начали выходить, Павел задержал меня у порога. Посмотрел на бойца, сопровождавшего меня к вагонетке.

— Человека ты сейчас спас. По Кадиру я показаний не меняю.

Кивнул. За его спиной боец держал открытую дверь, а раненому поправляли ногу на переноске. На обходе охранник вернул автомат и оба магазина. Оружие повесил так, чтобы ремень не давил на плечо. Павел остался у опоры. Я ещё видел, как он снова проверяет край канатной дороги, откуда сорвалась вагонетка.

За бетонным поворотом Вера открыла полученный фрагмент карты. На нём стояли позиции с временем подготовки. У нескольких был указан повод для открытия огня, но соответствующие нападения в журнале отмечались как ожидаемые. Ольга попросила сохранить этот слой вместе с датой выдачи. Полного задания постов у нас по-прежнему не было.

Кирилл проводил нас до поворота, уточняя у Веры, какой фрагмент карты она сохранила. Из снятой чашки гарнитуры донеслось обозначение нижнего приёмного участка. Он поднял руку к регулятору, но Вера попросила повторить. Потом нашла в выписках с блокпоста копию пропуска задержанного ремонтника. То же обозначение стояло в его допуске к вентиляционной линии.

Было уже за полночь. Пока Вера сравнивала записи, Рашид принял сообщение из западного посёлка и подозвал Лейлу. Основная вентиляция остановилась; местная смена просила привести специалиста к ручным приводам. Лейла уточнила, кто остаётся в убежищах, а я проверил застёжку на плече перед новым спуском. Проводник повернул к западной тропе, и мы пошли за ним, оставив путь к военному входу за спиной.

Глава 5. Шахта дышит наружу

2064 год. День 2, 07:00–11:00. Вентиляционный посёлок и западные приводы.

Двигатель за стеной набирал обороты, а полоска ткани у решётки оставалась неподвижной. Ремонтник поднёс её ближе, подождал и выключил привод. В открытом кожухе ещё вращался вал. Лопасты работали, но закрытая заслонка не давала воздуху пройти.

До посёлка добирались всю ночь. Прямой переход перекрыли, и Рашиду пришлось вести нас по наружной тропе. Местная смена тем временем удерживала слабый приток через обходный канал. К утру автоматика закрыла и его. Людей из ближайшей секции начали выводить к западной лестнице, где на подъёме ещё можно было дышать.

Борис Черненко показал Вере журнал двигателя: проверку закончили до остановки, повреждений не нашли. Команда закрытия пришла с верхней линии. После ручного сброса она повторилась и снова заперла исправную створку.

Борис разрешил подключить прибор Веры к местному считывателю. На экране появился старый порядок аварийного перекрытия. Канал считался открытым, хотя указатель на тяге стоял у отметки закрытия.

Из коридора донёсся кашель. Двое молодых работников вышли к нам, неся пустую переноску. Борис спросил, все ли поднялись с площадки ниже. Один ответил, что там осталась группа у внутренней двери: люди ждут, пока откроется проход к лестнице.

Борис потребовал вывести младших, прежде чем охрана снова закроет участок. Оставить собирался только напарника у привода. На возражение молодого работника показал на переноску: внизу ждал человек, который сам не поднимется.

Лейла записала, откуда выводят людей. Рашид связался с сопровождающими наверху. Начальник охраны отправил бойца к лестнице, меня оставил у приводной. Придерживал автомат здоровой рукой, чтобы не задевать плечо.

Борис предложил включить резервный вентилятор. На пульте для этого оставалась доступная команда. Вера попросила сначала показать, куда он направит поток. Ремонтник раскрыл бумажную схему, провёл пальцем от нижней галереи и остановился у жилого квартала.

Обычно воздух уходил выше посёлка. Резерв использовал старую ветку, соединённую с квартальной сетью. Дым из нижнего участка мог пойти к домам. Борис убрал руку с кнопки.

Внизу тлела повреждённая кабельная оболочка. Это передала ночная смена; на её записи дым выходил из нижнего приёмного участка. Датчик у внутренней лестницы показывал ухудшение, и стоявший рядом работник всё чаще подносил переносной прибор к лицу, проверяя показания.

Лейла потребовала предупредить дома о смене потока. На время выброса надо было закрыть наружные воздухозаборы, иначе дым из шахты попадёт в жилые помещения. Борис сказал, что ждать подтверждения от каждого двора некогда. Она попросила назвать дома возле выброса и передала адреса Рашиду.

— Там сейчас открывают окна после ночи, — сказала она. — Дайте людям время их закрыть.

Рашид искал людей, готовых пройти вдоль домов: телефон отвечал не везде. Лейла отправила молодого работника к ближайшему подъезду, передав его переноску сопровождающему.

Пока ждали, Вера попросила меня посмотреть на две записи привода. На одной створка открывалась перед пуском двигателя. На другой тот же ход был смещён: после открытия система снова давала команду закрыть канал. В местном считывателе к ним примешивался повтор прежней аварии, и показания положения менялись без соответствующего движения тяги.

Борис мог отжать створку домкратом. Требовалось определить, какую тягу освобождать первой, чтобы не открыть дымовой канал к кварталам. Напарник принёс домкрат со штатной площадки и деревянную подкладку.

Вера спросила, слышу ли я голоса у панели. В глубине коридора повторялся разговор. Один мужчина требовал проверить ход, другой отвечал раньше, чем заканчивался вопрос. В открытом кожухе при этом ничего не двигалось.

Кивнул. Вера объяснила, что может соединить свой регистратор с местным считывателем и сопоставить последовательности. Такое подключение уже требовало работы Якоря. Она не обещала, что короткий сеанс обойдётся без потери памяти.

Спросил про оставшихся у внутренней двери. Её держал закрытой тот же аварийный пакет. После отделения местного управления Вера могла освободить запор; сейчас сброс немедленно отменялся повторной командой.

Вера включила запись и попросила описать, как различаю знакомое действие и навязанное. Рассказал про противовес у канатной дороги. Потом вспомнил поездку в первую часть: в автобусе заело заднюю дверь, и прибывшие новички потянулись следом за человеком, который уверенно пошёл туда первым. Пришлось возвращаться к передней двери, хотя снаружи именно задний выход казался ближе к воротам.

Помнил влажный поручень и водителя, протискивавшегося вдоль сидений с инструментом. Вера спросила, это воспоминание или прочитанная запись. Ответил, что помню сам, и показал, с какой стороны находилась дверь.

Вера сохранила ответ и пояснила: модель использует опыт ориентирования в повторяющемся движении, теперь задействует и мой. Ещё раз спросила, согласен ли я. Борис ждал с домкратом, не подходя к панели.

— Подключай. Остановку назовёшь ты.

Рашид передал подтверждения, кроме одного адреса. Лейла задержала пуск и ушла к наружной двери, откуда было видно окна. Снизу сообщили, что группа отступила ещё на один лестничный пролёт.

Борис выругался и поднял домкрат. Я пошёл с ним и напарником к ручным тягам. Вера закрепила контактную петлю регистратора на моём запястье, вывела кабель вдоль стены и осталась у считывателя. Усилие выполняли ремонтники. Мне предстояло увидеть настоящий ход механизма.

В приводной горела одна лампа. Под ней человек в старом рабочем комбинезоне отстёгивал скобу на тяге. Его рукав проходил перед настоящим металлом, закрывая отметку положения. Он повернул голову и спросил, проверен ли канал. Ответ донёсся из-за моего плеча, где стоял Борис.

Сам Борис молчал. Он устанавливал домкрат, а его напарник подсовывал под опору деревянную подкладку. За их спинами второй рабочий из повтора уже тянулся к пусковой рукояти. Двигатель в его последовательности начинал гудеть прежде, чем освобождалась створка.

После подключения перед глазами открывался проход, одновременно перекрытый листом металла. Хотелось подтвердить проверку и дать ремонтникам работать. Слово подступило к губам, когда ладонь упёрлась в неподвижную тягу.

Попросил Бориса пока не давить. Посмотрел на настоящий шток: у края втулки оставалась светлая полоса смазки. В повторе шток уходил внутрь, но полоса не исчезала. Под пальцами сохранялась одна и та же длина открытого металла. Напарник Бориса поднёс лампу ближе.

Назвал Вере, что вижу. Она попросила дождаться следующей команды, не подтверждая её. Рабочий в старом комбинезоне снова отстегнул скобу. Его товарищ повторил ответ, и на местной панели загорелось разрешение пуска. Настоящий привод остался заперт.

Вторая последовательность проходила через другую тягу. На миг увидел створку со стороны старой смены: люди закрывали её, считая, что защищают проход от дыма. Дальше возвращался тот же вопрос о проверке. Они успевали подтвердить действие, но не успевали увидеть людей за закрытым каналом.

Показал Борису нижний стопор. Вера сверила положение стопора с показанием датчика и разрешила работу. Напарник выбил освобождённый фиксатор. Борис начал давить домкратом, и светлая полоса на настоящем штоке наконец сократилась.

За листом металла открылся узкий зазор. Из него потянуло тёплым воздухом. Рабочий из повтора продолжал показывать закрытие, но теперь можно было следить за реальным движением по краю створки. Держал лампу здоровой рукой, пока Борис переставлял опору домкрата.

Снаружи затрещала связь. Лейла передала последнее подтверждение: в доме у выброса закрыли забор воздуха. Вера разрешила открыть рабочий канал до согласованной отметки. Борис дал напарнику знак, и тот перевёл ручной привод, удерживая рычаг обеими руками.

У стены загудел двигатель. Полоска ткани на решётке вытянулась в сторону шахты, а из наружного короба повалил дым. Через открытый канал пошёл воздух, и в нём зазвучали голоса. Слова прежней смены теперь различались и дальше по коридору.

Рабочие из повтора продолжали стоять у тяг. Один всё так же проверял закрытый канал, хотя рядом настоящий лист металла уже двигался. На пульте мигнула новая команда перекрытия. Вера потребовала удержать створку и начала отделять местное управление от верхней линии.

Во дворе коротко выстрелили. Охранник крикнул, что машины идут к приводной. В полученном сообщении людей у механизма объявили нарушителями аварийной защиты. Допуск начальника охраны отметку не изменил.

Первый аппарат поднялся на служебную рампу. Это был лёгкий наземник с огневой установкой над корпусом. Его камера повернулась к открытой двери, и очередь ударила по косяку. Боец у порога отступил за бетон. Борис пригнулся над домкратом, не выпуская рукоятку.

Вера велела мне отойти от привода: кабель уже удалось отсоединить. Контактную петлю снял не сразу, пальцы путались в застёжке. Охранник помог освободить запястье и показал на боковой выход. Я снял автомат с ремня, положил цевьё на низкий бетонный бортик и дождался команды начальника.

Наземник снова повернул установку к двери. Выстрелил короткой очередью, когда боец рядом открыл огонь. Мои пули ударили в защитный кожух, машину не остановили. Она отступила с края рампы и вновь подала вперёд. За ней появился второй аппарат.

Борис и напарник уже закрепляли створку механическим упором. Рашид вошёл через боковую дверь и вывел из помещения молодого работника, оставшегося у датчика. Тот пытался забрать прибор на кабеле; Рашид сам высвободил провод из скобы и повёл его по отмеченному проходу вдоль стены.

От выброса во дворе стало мутно. Камера первого аппарата несколько раз повернулась на пустой дверной проём. Пока охрана удерживала рампу, Вера разъединила управляющую линию у местной панели. На экране перестали появляться поправки положения людей, но установка продолжала бить по последней отмеченной площадке.

Голос из бокового коридора позвал назад. Там виделся старый проход, заложенный в настоящей стене кирпичом. Охранник подался туда, и пришлось ударить ладонью по кладке. Он увидел препятствие и вернулся к Рашиду.

Выходили через дверь, которую местные отметили мелом ещё ночью. Борис проверил упор и отступил к выходу. Я держал автомат у груди и старался не задеть плечом стену. Вера выбралась следом за ремонтником. Наш боец закрыл дверь, и очередь с рампы прошла по наружной обшивке.

У лестницы нас встретила Лейла. Группа из внутренней секции поднялась: Вера освободила запор через местный пульт. Двух человек вывели под руки. Борис пересчитал молодых работников и попросил подойти к контрольному окну.

По закрытому переходу добрались к окну. Борис проверил упор: створка держалась наполовину. Повышать обороты запретил. На половинном режиме канал работал, показания у лестницы перестали ухудшаться.

В домах возле выброса воздухозаборы оставались закрыты. Рашид передал сопровождающим, какой проход доступен. Охрана держала рампу, возвращаться через главный двор не разрешали.

Ольга подошла с Борисом к повреждённому фильтру в обходном коробе. Удар по рампе сорвал часть облицовки, и на сетке стали видны плотные серые комки. Среди них застряла обломанная пломба. Ольга остановила ремонтника, собиравшегося стряхнуть пыль на землю, и включила камеру.

Борис показал запись с нижнего приёмного участка. После ночной перегрузки там остался смятый контейнер с разошедшейся крышкой. Упаковка высыпалась возле входа в вытяжную ветку. Теперь тот же путь вёл к фильтру, который осматривала Ольга.

Состав пыли никто на месте определить не мог. Ольга сняла её в коробе, записала, откуда могло поступить содержимое, и попросила не разбирать сетку до отбора. Борис принёс из ремонтной комнаты чистую тару для образца. Пломбу извлекли отдельно, сохранив налипший на неё материал.

Борис узнал номер ещё до того, как Вера увеличила снимок. Эта партия проходила у него как технический груз. В приёмном журнале она была собрана из двух отправок: одно пришло из Сармы, другое из Кадира. Ремонтник открыл строки накладных и показал отметку о доставке к нижнему приёму.

Ольга записала объяснение и номера документов. Совпадение пломбы с журналом позволяло запросить путь контейнеров, хотя принадлежность пыли к грузу ещё требовала проверки. Вера сравнила место доставки с обозначением, которое ночью произнёс помощник Кирилла.

На выходе из контрольной комнаты попытался убрать пассатижи. Зашёлка на рукояти не вставала в паз, и пришлось поправить погнутый край. Сделал это привычным движением, опираясь инструментом о стол. Вера смотрела на мои руки, пока не сложил пассатижи.

Вера спросила, о какой двери в автобусе мы говорили перед подключением. Показал назад, решив, что речь о сегодняшнем проходе. Она повторила вопрос: дорога в первую часть, автобус у ворот. Название части помнил, самой поездки — нет.

Попробовал найти её через соседние события. Знал, что прибыл туда, помнил устройство казарменного коридора. Но автобус не возникал. Вера спросила, где я сидел, и я поймал себя на попытке выбрать место по её вопросу, будто ответ можно было достроить.

— Не подсказывай пока, — попросил её.

Она отложила прибор. Посидели у стола, пока Борис за стеной передавал очередное показание. Пытался вспомнить хотя бы ожидание у ворот, но получалось лишь представлять обычный автобус. Узнать собственную поездку в этой картинке не мог.

Вера включила запись, сделанную перед сеансом. На экране я рассказывал о задней двери и показывал сторону рукой. Слышал свой голос, видел, как поправляю лямку на плече. После рассказа шёл мой ответ, что помню это сам.

Просмотр не вернул поездку. Теперь знал о поручне и водителе из записи, но ощущения дороги не появлялось. Попросил сохранить весь фрагмент, включая мой нынешний ответ. Вера добавила время проверки и передала копию Ольге. Пассатижи лежали рядом закрытыми; как починить их зашёлку, всё ещё понимал.

К одиннадцати Борис подтвердил устойчивую работу канала на половинной мощности. Людей из отсечённой секции вывели, а до остальных убежищ Лейла передала предупреждение

о режиме воздуха. Проверил оружие: из первого магазина ушло три патрона, второй оставался полным. Собирались к подстанции, когда на местную связь пришли два сообщения о захвате топливного двора. В одном виновной называли колонну, подходившую с нижней дороги, в другом — уже стоявшую у цистерн охрану. Рашид развернул карту, и я придвинул стул ближе здоровой рукой и сел, чтобы увидеть на карте оба подхода.

Глава 6. Первый бой до причины

2064 год. День 2, 12:00–15:00. Топливный двор главной подстанции.

Водитель остановил машину перед спуском и показал нам сообщение. По нему двор уже захватила колонна Пакта. Внизу за бетонным ограждением стоял топливозаправщик Содружества, а его охрана двигалась между кабиной и насосной. Над цистерной никто не стрелял. Работник в серой куртке ещё держал сливной рукав, ожидая, пока ему освободят проход.

На противоположном въезде головная машина другой колонны развернулась к воротам. Над бортом виднелась огневая установка. Наш водитель повторил, что пост занят противником. На вопрос, кто подтвердил захват, снова показал экран.

Рашид провёл нас за служебный фургон у стены. Между ним и воротами оставался промежуток, через который можно было показать документы людям с обеих сторон. Лейла задержалась возле прохода в посёлок: оттуда шли рабочие, ещё не знавшие о закрытии двора. Она с сопровождающим останавливала их за углом.

Вера передала мне обе версии сообщения. На одной виновной была входящая колонна, на другой — охрана подстанции. Время получения почти совпадало. Убрал автомат за спину и поднял здоровой рукой прибор. Начальник охраны пошёл рядом, показывая удостоверение комиссии.

Охранник подстанции назвался Антоном Гриневым. Начальник попросил провести к старшему поста. Гринев велел работнику у рукава закончить отключение насоса и повернулся к нам.

Старший остался за топливозаправщиком. Я присел у колеса фургона, повернув прибор к окну машины Пакта. Водитель приоткрыл дверь. Показал пустую ладонь и попросил сравнить текст, оставаясь в укрытии.

Он зачитал свою версию. В ней охрана Содружества насильно удерживала топливо, предназначенное для согласованного прохода колонны. Сам водитель захвата не видел: его перенаправили сюда после изменения маршрута. Старший поста ответил, что получил предупреждение о попытке нападения той же колонны и потому не выпускает заправщик.

На связь вышел Нарек. Назвавшись, спросил, кто держит прибор у колеса. Начальник подтвердил мой статус и номер комиссии. Я сообщил о двух несовместимых сообщениях.

Нарек потребовал передать обе версии через канал головной машины. Вера отправила их, оставив исходники у себя. Он дал шестьдесят секунд на сверку. Его люди в это время оставались на местах; в обмен он требовал не двигать топливозаправщик к воротам. Старший поста согласился и повторил распоряжение своим.

На экране пошёл отсчёт. Антон Гринев отошёл от кабины, придерживая ремень автомата, и показал ближайшему бойцу опустить ствол. С противоположного въезда ответили таким же жестом. Ольга снимала из-за заднего угла фургона, захватывая прибор и площадку перед машинами.

До конца проверки оставалось больше двадцати секунд, когда над насосной вспыхнуло. Гринев дёрнулся, поднял автомат и упал возле бетонного столбика. Следующая очередь ударила в дверь головной машины Пакта. Водитель отшатнулся внутрь. Огневая установка над его кабиной начала разворачиваться к заправщику.

Мне показалось, что Гринев ещё стоит. Локоть у бетонного столбика снова поднялся, ладонь подтянула ремень, ствол пошёл вверх. На земле при этом лежало его тело. Повтор оборвался у плеча и начался заново. Боец за заправщиком, не видевший падения, вскинул оружие вслед за этим движением.

Рука сама потянулась к автомату. Откуда пришла очередь, пока не понимал, а уже выбирал окно чужой кабины. Посмотрел на прижатый к колесу прибор: на нём ещё шёл отсчёт. Пришлось отвести ладонь от ремня и снова посмотреть выше людей.

Турель стояла на крыше насосной, возле отвода красной трубы. Её ствол прошёл по площадке слева направо. У бетонного столбика брызнула крошка, затем ударило по воротам Пакта. Та же установка стреляла по обеим сторонам.

Назвал сектор начальнику охраны и закричал водителю, чтобы передал Нареку: крыша насосной, над трубой. Наш начальник остановил бойца у заправщика. Из чужой кабины донёсся приказ удерживать огонь по людям во дворе. Огневая установка над ней замерла, не закончив разворот.

Повтор Гринева тянулся к ремню, хотелось ответить собственным движением. Указал бойцу на тело внизу. Он присел за бетон, затем перевёл ствол на крышу. Старший повторил сектор, предупреждая остальных.

Нарек сообщил, что минутная проверка прекращена из-за внешнего огня. Общего перемирия он не объявлял. Приказал своим расчётам не бить через топливный двор и потребовал от старшего поста удержать заправщик на месте. Тот ответил согласием. Наш начальник уже вызывал работника насосной.

Вера спросила, чья турель на крыше. Работник подстанции, укрывшийся за фургоном, сказал, что её включили в охранную сеть недавно. Его смене оставили питание насосов, доступа к огневому посту у неё не было. Он показал ввод в служебную коробку у боковой двери. Через неё передавалось внешнее наведение.

Пока Вера проверяла линию с работником, турель перевела огонь на проход к стене. Охранник, пытавшийся добраться до Гринева, откатился назад. Из-за колонны Пакта ударили по крыше. Сверху посыпался раствор, но установка продолжала двигаться.

За воротами загудел малый аппарат. Он прошёл низко над ограждением, врезался в сливной узел ближней цистерны и взорвался. Металлический кожух сорвало. Из разошедшегося соединения ударило топливо, побежало к приямку под насосом. В разливе у обломка вспыхнул огонь.

Работник подстанции бросился к ручному перекрытию. Рашид поймал его у поворота, спросил, чем помочь, и побежал следом. На открытом участке работник пригнулся за низкий бортик, показал на соседний маховик. Рашид взялся за него, пока тот освобождал заевший стопор основной подачи.

Дым вытеснил людей от прохода в посёлок. Двое рабочих подкатали пустую ёмкость на колёсном основании, скрыв от установки поворот к служебной двери. Наш боец помог поставить её поперёк прохода, вдали от разлива.

За ёмкостью пропускали по одному. Лейла придерживала дверь и передавала входивших сопровождающему внутри. Грузная женщина зацепилась сумкой за ручку, остановив остальных. Охранник снял сумку и подал ей через порог, не давая очереди собраться у ворот.

Рашид крутил маховик. Поток ослаб, но не прекратился. По знаку работника он налёг до упора, и маховик остановился. Работник проверил прибор у насоса.

Турель ударила по стене над ними. Укрывавшийся возле заправщика боец упал на бок и выронил автомат. Он попытался подняться, но нога скользнула в разлитом топливе. До ближайшего бетонного блока оставалось несколько шагов.

Начальник охраны прикрыл переход огнём по крыше. Я добрался до раненого вдоль борта, подхватил здоровой рукой за ворот и потянул к машине. Мужчина помогал локтем. Пока он двигался сам, удавалось держать вес; потом его ботинок зацепился за низкую трубу.

Пришлось повернуться к нему и взяться обеими руками. Когда потянул снова, плечо пронзило так, что пальцы разжались. Раненый осел возле колеса. Ухватил его за ремень здо-

ровой рукой, упёрся ногами в бетон и сдвинул ещё немного, пока нас обоих не подхватил мой охранник.

Он втащил человека за двигатель. Я придерживал куртку, чтобы тот не сползал. Медик подстанции бежал к нам за пустой ёмкостью. Плечо болело и без движения, локоть пришлось поддержать коленом.

За фургоном Вера вытащила разъём из блока внешнего наведения. Работник держал открытую крышку и показывал ей сообщение на местном пульте. Турель ещё раз дала очередь, затем ствол остановился напротив пустого угла стены. Поправки больше не приходили. Охрана подстанции сосредоточила огонь по неподвижной установке, и вскоре над крышей повис дым.

Из колонны Пакта вышли двое с переносным противопожарным оборудованием. Нарек передал, что им нужен проход к нижней стороне разлива. Старший поста указал безопасный подход, не выпуская своих бойцов на открытую площадку. Люди Нарека занялись огнём возле повреждённой цистерны: мимо неё проходила единственная дорога их машин к узлу.

Наш работник проверил отсечение уцелевших секций. На площадке стояли три связанные ёмкости. Подачу из двух успели закрыть, горячее в них оставалось. Повреждённую спасти не удавалось: огонь удерживали в её поддоне, не давая ему перейти к остальным.

Рашид вернулся с обожжённым рукавом. Кожа под тканью осталась цела. Лейла отвела его от дыма и спросила о людях у насосов. Там оставались работник и двое бойцов Пакта, согласовывая перемещения через оба поста.

Медик закончил с раненым у колеса и присел рядом со мной. Попросил показать, где болит. При попытке приподнять локоть пришлось остановить его руку. Он закрепил предплечье у груди и сказал, что нужен осмотр в помещении, где можно снять снаряжение. До этого поднимать или тянуть людей мне больше не разрешал.

Охранник помог перевесить автомат. Самостоятельно провести ремень над больным плечом не получилось. Начальник посмотрел, как я встаю, и велел держаться рядом с бойцом. Когда я попросил разрешения помочь с переноской, начальник напомнил, что одного раненого я смог вытащить только вместе с бойцом.

До Гринева добрались после того, как замолчала турель. Медик осмотрел его, затем накрыл лицо краем защитной накидки. Старший поста снял жетон для сверки, но оставил его при теле. Назвал Ольге полное имя: Антон Гринев. Она повторила его в запись и попросила сохранить сведения о том, где он стоял до первого выстрела.

У столбика ещё поднимался его локоть. Жест завершался, возвращался к ремню и повторялся вновь. Бойца, посланного за носилками, качнуло в ту же сторону; он поймал себя на движении и опустил руку. Пока тело перекладывали, начальник охраны заставил остальных смотреть на живого старшего поста и слушать его команды.

Ольга показала мне первые секунды съёмки. Гринев успел подать знак прекратить движение оружия. На приборе в кадре оставался незавершённый отсчёт. Вспышка над насосной появилась раньше, чем чужая установка начала поворачиваться к заправщику.

Старший поста приложил свою запись. Водитель Пакта передал фрагмент с передней камеры: первая очередь шла сверху. Ольга сохранила источники отдельно. В совмещённой копии отметила совпадение событий; часы ещё требовалось сверить.

Затем Вера вернулась к сообщениям о захвате. Работник двора принёс журнал подачи машин. В семь часов шесть минут утренние маршруты изменили: заправщик задержали у насосной, колонну Пакта направили к противоположным воротам. Предупреждение о захвате пришло в одиннадцать шесть. Между событиями было четыре часа.

Ольга попросила открыть предыдущую строку журнала. Там колонны расходились по времени и не должны были встречаться у цистерн. Новая версия свела их в один двор. Имя отправителя изменения в местной копии отсутствовало; оставался адрес служебного узла, через который пришёл пакет.

Работник подписал выгрузку своего журнала. Вера сверила часы пульта с записью связи и сохранила величину расхождения. Разница не могла убрать четыре часа. Но кто именно изменил движение, по этому файлу ещё установить было нельзя.

На пульт водителя Пакта пришёл запрос Нарека. Он требовал журнал целиком, включая приложения комиссии. Водитель повернул экран к Ольге. Она отказалась передавать общий архив и предложила временные отметки с кадрами, которые подтверждали порядок выстрелов.

Нарек вызвал меня к связи. Охранник помог сесть у кабины. На вопрос об исходниках ответил, что решения об их передаче принимает Ольга. О копии за пределами объекта говорить не стал.

— Мне нужен журнал, по которому мои машины поставили под огонь, — сказал Нарек.

Ольга подошла ближе и объяснила, что проверяемый фрагмент он получит вместе с указанием источника. Остальные записи включают живых свидетелей. Она не даст их в обмен на проход его колонны. Нарек помолчал, потом потребовал включить в выдачу оба сообщения о захвате, а не только версию, присланную его водителю.

С этим Ольга согласилась. Водитель подтвердил приём выбранных файлов. Требование полного журнала Нарек не снял, но немедленно повторять его не стал. Передал своим заканчивать тушение у проезда и готовить машины к движению.

За воротами больше не целились через весь двор. Охрана Содружества отвела заправщик, увеличив расстояние между колоннами. Ту минуту проверки никто не возобновлял. Теперь каждый старший сам подтверждал, куда пойдут его люди, прежде чем они выходили из укрытий.

Работник подстанции принёс итоговый учёт топлива. Две трети запаса оставались в отсечённых ёмкостях. Он хотел сразу возобновить подачу, но начальник охраны настоял на осмотре повреждённых соединений. Рашид помог отнести бланк в служебное помещение, где Лейла сверяла выведенных из двора.

Меня посадили там же, у стены. Снаряжение снимал охранник, а Вера придерживала застёжку, пока медик освобождал плечо. Хотелось сказать, что могу сам. При первом движении боль вернулась, и пришлось попросить её держать локоть выше.

Медик усилил фиксацию и отдал охраннику снятый ремень. Велел помочь мне при следующем подъёме. Вера поставила рядом воду, так чтобы можно было взять её здоровой рукой, и вернулась к своему прибору.

К половине третьего на служебный пульт поступила новая сводка. Ольга попросила не закрывать прежние сообщения, и работник вывел новую рядом со старой. Смерть охранника уже вошла в расчёт как признак срыва прекращения огня. Оценка риска большого столкновения повысилась.

В приложении предлагали один удар по Тарнскому узлу. Объект в обосновании значился пустующим; прекращение его работы должно было остановить дальнейшие столкновения. В таблице текущих событий стояла и перестрелка у топлива. По ней выходило, что бой начался между двумя колоннами.

Ольга открыла кадр с турелью и незавершённым отсчётом. Работник посмотрел на него, затем на сводку. Попросил сохранить копию ему тоже: вечером придёт новая смена, и отвечать за случившееся придётся по этому же пульту.

Лейла положила рядом подтверждения из убежищ. В них значились люди, которых мы утром вывели из отсечённой секции. Вера попросила полный расчёт удара, но получила только краткое обоснование. Подробные данные были доступны через наблюдательную станцию над восточным карьером.

К трём проезд очистили. Колонна Пакта ушла первой, оставив после себя использованный противопожарный баллон у стены. Я поднялся с помощью охранника и дождался, пока он поправит поддержку руки. Ольга убрала копию записи первого выстрела вместе с именем

Гринева. Рашид показал на карте дорогу к станции, и мы вышли из двора мимо двух уцелевших ёмкостей, к которым работник уже прикреплял запрет на выдачу до осмотра.

Глава 7. Узел, который нельзя взорвать

2064 год. День 2, 18:00–21:00. Наблюдательная станция восточного карьера.

На последней ступени охранник подхватил меня под здоровый локоть. У двери остановился, пока он поправлял поддержку плеча. Автомат отдал ему ещё у подножия станции.

Из окна наблюдательной комнаты был виден край карьера. На склоне ниже торчали крепления разобранной площадки. От неё остался узкий обломок настила, за которым начиналась пустота. Дежурный попросил не подходить к окну близко: после прежнего обвала рама держалась на временном креплении.

Дежурный сверил пропуск комиссии. Расчёт выдавали через служебный канал дирекции только на чтение, без управления постами. Ольга записала условие и время выдачи.

Лейла получила сообщение из западного посёлка: канал держался на половинном режиме, воздухозаборы возле выброса ещё не открывали. Ответила сопровождающим и положила карту домов на стол.

Пакет пришёл с записью Кастина. Он говорил о трёх столкновениях, после которых обычные меры разделения сторон перестали работать. На экране последовательно появились депо, канатная дорога и топливный двор. Действия неизвестных аппаратов были включены в общую оценку вооружённой активности.

Кастин предлагал прекратить её одним ударом по узлу, обеспечивающему координацию. После уничтожения верхней инфраструктуры прогноз обещал остановку взаимных атак. В приложении помещалась схема поражения. Под ней стояло время: день седьмой, шесть утра. От момента начала нашего сеанса оставалось сто восемь часов.

Комиссия могла направить срочное обращение о более раннем ударе. Само обращение дату не меняло: перенос требовал нового решения. Дежурный показал адрес запроса.

Я посмотрел на снимок топливного двора. Возле столбика, у которого погиб Гринев, стояла отметка о начале боя двух колонн. Ольга открыла нашу запись первого выстрела. Дежурный посмотрел на турель над насосной и убрал руку от поля срочного обращения.

Вера остановила просмотр перед подтверждением цели. В интерфейсе были два отдельных поля. Командную санкцию Кастин уже оформил. Во втором ожидалось подтверждение действующего оператора, которому предстояло проверить обозначенную цель. Его подписи ещё не было.

Спросил, может ли Кастин заполнить обе строки. Вера показала разные права доступа: своей санкцией он не мог подменить проверку оператора. Ольга сохранила экран, чтобы позднее сверить авторство и время подтверждений.

Лейла развернула карту убежищ. На военной схеме шахтные общежития значились пустыми. Она нашла ближайший корпус, приложила подтверждение жильцов и попросила дежурного отметить расхождение. Тот ответил, что менять исходный реестр не уполномочен. Ольга предложила внести заявление комиссии отдельно.

Лейла назвала число семей в этом корпусе. Потом показала соседний, куда утром перевели людей от западной лестницы. Одну подпись ещё не успели получить: женщина, подтверждавшая состав своей семьи, оставалась с больным отцом. Лейла так и указала в записи, не дополняя список предположениями.

На схеме удара оба корпуса попадали в один участок поражения. Вера увеличила план и попросила дежурного открыть горный разрез. Он достал из шкафа бумажный экземпляр, затем нашёл соответствующий файл в местном архиве.

Разрез был старше плана удара. Стволы не менялись, но кабели внутри могли проходить иначе. Вера положила бумагу рядом с экраном, сопоставляя участки по известным входам.

Верхние помещения закрылись цветом расчётного разрушения. Вместе с ними пропадала подача воздуха к жилым секциям. Ниже проходила защищённая галерея, куда вела отдельная линия от подстанции. По расчёту эта часть сохранялась. Вера проследила её до узла связи и задержала палец у разветвления.

На схеме питания к нему подходили три линии. Удар обрывал верхний ввод, но две другие проходили за пределами основной зоны разрушения. В приложении предусматривалось восстановление работы нижнего оборудования. Вера открыла пояснение: после удара там назначался сеанс повторной синхронизации.

Спросил, не обычный ли это резерв. Вера ответила, что часть аппаратуры вполне могла обслуживать аварийную связь. Но в журнале восстановления упоминалось сопряжение с живыми участниками. Такие строки требовалось проверить на месте, а не принять за безобидное обозначение технической процедуры.

Ольга повернула к ней камеру. Вера показала нижнюю часть разреза и объяснила, что видит в выданном расчёте. Верх погибает, защищённое оборудование остаётся с питанием. Массовые смерти в местном поле дадут новые следы незавершённых действий. Если нижний узел подготовлен к их соединению, удар способен завершить запуск вместо его прекращения.

Лейла спросила, сколько людей для этого оставляют наверху. Вера не стала давать число. У нас не было полного размещения жителей и схемы работающего сопряжения. Пока можно было установить, что расчёт скрывает присутствие людей и сохраняет часть нижней инфраструктуры. Назначение этой части ещё требовало проверки.

Хотелось запросить удар и закончить всё до спуска. Вера подвинула разрез. Проследил здоровой рукой путь от жилого корпуса к воздуховоду: между ними лежала зона разрушения.

Спросил, можно ли отключить нижний модуль отдельно. Вера кивнула. Для этого надо было добраться до действующей связи и выяснить, где её разорвать. Разрушение оборудования без людей мешало бы проекту. Но по выданному нам плану удар приходился на убежища, а защищённая часть продолжала работать.

Кастин в записи закончил объяснение и предложил комиссии подтвердить получение. Ольга сохранила пакет, затем ввела замечание о неучтённых жителях. Срочного обращения за ударом она не отправила. Начальник охраны связался с руководителем выезда, передал возражение и попросил не подавать такой запрос от имени группы.

Дежурный принёс распечатку входов. Восточный проход шёл через военный сектор, который держал Павел. Служебный ствол номер четыре был связан с клетями. Ольга нашла кабельную галерею, ведущую к архивным помещениям, а Лейла — западный подход со стороны вентиляции посёлка.

На соседнем листе Вера отметила резервный вентилятор. Это был тот резерв, быстрый пуск которого Борис остановил утром из-за пути дыма к кварталам. Пользоваться им без проверки воздушного потока по-прежнему было нельзя. Другого подтверждённого резерва на выданной схеме не оказалось.

Внизу хлопнула наружная дверь. Боец комиссии, оставленный у входа, потребовал от посетителя остановиться. Вместо ответа затрещала связь. Дежурный поднял трубку, выслушал и сообщил, что охранная сеть назначила очистку станции от постороннего вмешательства.

Начальник охраны передал номера пропусков. На терминале появилось требование прекратить копирование и оставаться на местах. Дежурный открыл список допущенных: комиссия ещё числилась в нём. Пока он повторял запрос, за окном поднялся первый аппарат.

Охранник ударил меня ладонью между лопатками, пригибая за стол. В окно влетели осколки рамы. Аппарат прошёл выше, и следующий удар пришёлся в наружный блок связи. Из стены выпала панель. Вера стянула прибор на пол вместе с кабелем, не разрывая соединения с местным терминалом.

Ольга передала кофр бойцу у двери. Из коридора донеслась стрельба. Начальник потребовал освободить лестницу для отхода, но дежурный показал запасной выход через заднюю площадку.

Вера сохраняла схему входов. Начальник дал ей время, пока охрана держала лестницу. Я попросил показать дверь, которую надо закрыть. Боец вернул автомат, велел оставить его на ремне и работать здоровой рукой.

До лестничной клетки добрались вдоль стены. Внизу за стеклом мелькнул корпус малого аппарата. Боец выстрелил, и он ударился о ступень. Второй поднялся следом, держась у самого края пролёта. Я упёрся ногой в тяжёлую дверь, пока охранник отступал за неё.

Створка дошла до рамы и остановилась: внизу зацепилась погнутая накладка. Боец удерживал верх, а я здоровой рукой поддел край накладки пассатижами. Металл не шёл, пришлось прижать его ботинком. Дверь закрылась, охранник опустил поперечину. Удар с другой стороны заставил её дрогнуть.

К окну у заднего выхода подошёл человек в выцветшей куртке наблюдателя. Прижимал к груди футляр от прибора, спешил и всё время смотрел назад. Он перемахнул через низкое ограждение на площадку за стеной, обернулся и протянул мне руку.

На миг увидел весь путь. От окна шёл настил с целыми перилами; за ним была дверь, к которой оставалось сделать несколько шагов. Наблюдатель прижал футляр локтем и снова потянулся ко мне. Хотелось поставить ногу на нижнюю перекладину, чтобы выбраться без тесной лестницы.

Мой охранник уже шёл к запасной двери. Позвал его, показал на площадку за окном и сам остановился, увидев крепление под рамой. У целого настила оно было закрыто доской. Сейчас на том же месте торчал оголённый болт, который заметил ещё при входе.

Посмотрел ниже. Площадка кончалась обломком, за ней был карьер. Наблюдатель стоял над пустотой и продолжал торопить. Футляр ударился о его бедро, рука снова потянулась ко мне. Отступил от окна и пошёл за охранником к настоящей двери.

Вера вышла из комнаты последней, придерживая прибор под курткой. Схему сохранила, но полной выгрузки оборудования не получила. За ней дежурный закрыл внутреннюю дверь и повёл нас к наружной лестнице. С другой стороны здания снова заработала огневая установка охраны комиссии.

На площадке висел шкаф снаряжения для высотных работ. Дежурный достал из него пояс и страховочную линию. Начальник осмотрел крепление к стойке и велел надеть пояс мне. Вера помогла затянуть его, не трогая зафиксированную руку.

Спускался боком, держась здоровой ладонью за перила. Боец внизу показывал, куда ставить ногу, второй оставался наверху у линии. На середине лестницы сотряслась стена. От неожиданности дёрнулся, плечо отозвалось болью, и пришлось остановиться, пока страхующий выбирал слабинку.

Сверху торопили. Переставлял ноги, удерживая равновесие с помощью линии. Внизу охранник отвёл меня от лестницы, освобождая место остальным.

Рашид принял Лейлу внизу. Носитель она держала под курткой обеими руками, пока переступала через последний зазор. Ольга спустилась следом за бойцом с кофром. Вера проверила свой ключ на груди. Дежурный вышел последним, сняв линию после прохода охраны.

В нижней служебной комнате станции сохранилась кабельная связь. Верхний приёмный блок больше не отвечал, но дежурный проверил местный разъём и разрешил отправить короткий пакет. Начальник поставил людей у входа. Возвращаться наверх за оставленными вещами запретил.

Ольга собрала выдержку из расчёта. К ней добавила кадр двух разрешений и документы о жителях без открытых имён. В сопроводительной записи отделила полученные данные от

версии Веры о назначении нижнего узла. Готовой схемы сопряжения у нас не было; утверждать, что мы уже установили весь способ запуска, она не позволила.

Передача заняла несколько минут. Дежурный следил за линией, Ольга держала открытым окно приёма. Когда пришло подтверждение из внешнего архива, она попросила сверить названия вложений. Получатель перечислил их в ответном пакете. Впервые с начала тарнского пути новые материалы получили подтверждённую копию вне долины.

Полные комплекты оставались у Ольги и Лейлы, местные записи ещё предстояло свести. Начальник передал руководителю выезда подтверждение доставки и наше намерение проверить защищённый участок изнутри.

Сел на край ящика у стены. После лестницы плечо ныло под повязкой, пальцы больной руки приходилось поддерживать здоровой ладонью. Попросил Веру положить передо мной схему. Хотелось получить один понятный путь, по которому можно пройти, не заставляя остальных идти следом.

Она показала служебный ствол. По документам у него работала клеть, но состояние дверей и местного управления было неизвестно. До спуска требовалось проверить люк. Я спросил, что смогу делать с одной рабочей рукой. Вера ответила, что тяжёлый механизм без помощи трогать не даст; проверку и доступный ручной замок можно было оставить мне.

Ольга выбирала подход к кабельной галерее. Ей нужна была охрана для переноса материалов и работы с местным архивом. Начальник подтвердил, что распределит своих после осмотра периметра. Все входы сразу его люди прикрыть не могли. За моё перемещение он продолжал отвечать и назначил сопровождение к стволу.

Лейла согласилась вернуться к вентиляционному подходу. Она хотела проверить, не отрезает ли новый режим убежища ниже посёлка. Рашид взялся найти местных сопровождающих, но разведку западного участка ещё требовалось обсудить с ними. После утренней стрельбы согласия заранее он не обещал.

Вера распечатала мне отдельный лист. На нём отметили путь до ствола и границу доступных данных. Дальше оставили белое поле. Попросил отметить боковой выход, и она показала, что его существование видно только на старом разрезе. Без проверки считать его дорогой для отхода было нельзя.

Мы повторили договорённость из депо. Лейла останавливала действие, опасное для убежищ. Вера отвечала за подключение аппаратуры, Ольга — за выдачу материалов. Условленное «не беру» сохранялось. Начальник охраны назначал действия своих бойцов сам; я должен был назвать проблему с проходом, а не решать за всех, сколько людей допустимо оставить позади.

По кабельной линии пришёл вызов Самата. Он получил отправленную выдержку через внешний узел и попросил подтвердить, что мы внизу станции. Назвал время последних сведений о подходах: свежими были не все. К восточному входу допускал Павел, и свободного прохода там Самат не обещал.

Он предложил проверить три других окна доступа. У кабельной галереи местный связист видел работающий постовой терминал. До служебного ствола подходила дорожка обслуживания. На западе требовалась группа, которая согласится проверить участок перед вентиляционным входом. Без её ответа этот кусок оставался неизвестным.

Спросил, может ли он направить людей на запад сам. Самат ответил, что уже передал просьбу, но приказать местным не может. Рашид подошёл к связи и назвал того, с кем готов обсудить разведку. Самат записал контакт, уточнил время следующего сеанса и попросил сообщить отказ так же быстро, как согласие.

— Мне нужен ответ, а не обещание за них, — сказал он.

Рашид кивнул и отошёл к Лейле. Я сложил свой лист вдвое, оставив снаружи обозначение ствола. Вера убрала ключ под бронежилет и помогла мне подняться. К девяти мы вышли из нижней комнаты станции: охрана проверяла поворот дороги, а Ольга ещё держала на экране

подтверждение из внешнего архива. До начала нашего прохода оставалось выяснить, кто возмёт западный участок и соответствует ли устройство за закрытым люком бумажной схеме.

Часть 2. Война в вентиляции

Глава 8. Четыре входа в рудник

2064 год. День 2, 23:00–02:00 дня 3. Периметр комплекса.

Связист потянул кабель, жила выскочила из клеммы, и голос Самата исчез. Поправив соединение в старом шкафу, связист попросил повторить. Самат начал с времени: до следующего общего сеанса оставался час. Если участок не отвечает, остальные считают его непроведённым.

У службы периметра Вера остановила меня, чтобы подтянуть поддержку руки. Ткань сбилась под бронежилетом, а достать застёжку здоровой рукой не получалось. От наблюдательной станции сюда добрались по дороге обслуживания.

Ольга положила на ящик свою копию схемы. Кабельная галерея находилась ниже, за полосой старых прожекторов. Начальник охраны выделил ей людей для прохода и переноса материалов. Остальным предстояло удерживать связь у шкафа и встречать тех, кому понадобится вернуться.

Лейла с Рашидом принимали вентиляционный участок. Пока можно было дойти до наружного поста, где оставалась смена Бориса. Западный спуск к руднику согласились проверить двое местных. Они говорили через Рашидов телефон, и Самат попросил каждого подтвердить задачу самому.

Мужчина подтвердил: дойдут до старого прохода, осмотрят заграждения. За пост охраны без отдельного решения не пойдут. Самат повторил условие для всех.

На востоке Павел сохранил прежний порядок допуска. Собрать нас у военного входа он не соглашался. Начальник охраны записал время ответа и уведомил пост о проверке других подходов.

Вера положила передо мной лист со служебным стволом номер четыре. До люка шла дорожка вдоль дренажной канавы. Дальше схема показывала помещение подъёмника, но состояние замков и клетки оставалось неизвестным. Я провёл пальцем от дороги к люку, запоминая поворот у бетонного желоба.

Начальник назначил бойца сопровождать нас до входа. Проверку внутри записал за Верой; она принимала обязанность сообщать о моём перемещении. Охрана оставалась наверху, пока не станет понятно, можно ли спускаться. Самат попросил не путать разрешение проверить люк с сообщением об открытом пути.

Вере выдали трубку местной линии с удлинителем на катушке. У ствола оставался связанный со шкафом разъём; его ещё требовалось проверить. Радиосвязь обрывалась уже за бетонным углом.

Ольга убрала схему. Её носитель оставался у бойца в кофре, копию Лейла закрепила под курткой. Вера показала, что физический ключ при ней. На прощание Лейла спросила, смогу ли я открыть люк. Ответил, что сначала увижу его, а тянуть тяжёлую крышку один не стану.

У поворота ещё видел Ольгу: ждала, пока боец осмотрит канаву перед галереей. Потом фонарь скрылся за насыпью. Вера пошла рядом со мной, охранник — впереди.

Автомат висел на ремне, приклад придерживал локтем здоровой руки. Хотелось чаще останавливаться, но задерживать Веру из-за каждого толчка в плече было неловко. На следующем изгибе она сама попросила привал.

Пока сидел на краю бетонного желоба, охранник проверил участок впереди. Вернувшись, сообщил, что у дальней ограды стоит наземник. Он пока не двигался, установка была повёр-

нута к служебному проезду. Вера погасила экран и попросила обходить открытое место вдоль дренажа.

В этот момент включился прожектор. Луч прошёл над дорогой и остановился на насыпи справа. Второй осветил белую полосу у основания ограды. Из старого динамика донеслась команда смене пройти на площадку сбора. На нашем листе это место обозначалось как бывший аварийный выход.

Охранник поднял ладонь. В светлой полосе рабочие сворачивали за бетонный выступ. Последний задержался, дожидаясь отставшего, и качнул фонарём над проходом.

По их движениям становилось понятно, куда идти и где повернуть плечи, чтобы не задеть ограду. Поднялся с желоба и сделал шаг к свету. Вера тронула здоровую руку и указала на постового наземника. Его установка уже смотрела в сторону освещённой насыпи.

Охранник пригнулся. Я посмотрел на след рабочих у своих ботинок. Вместо утоптанной дорожки там лежала сорванная решётка дренажа. Под ней чернел провал, в который стекала вода. Луч прожектора проходил над ним, скрывая границу на фоне светлой пыли.

Попросил бойца посветить ниже. За краем решётки не оказалось ни ступени, ни опоры для ноги. Рабочие из повтора пересекали это место без заминки. Их дорога существовала до провала, и последний всё ещё ждал, поднимая фонарь.

Показал Вере узкий проход с другой стороны желоба. Он выводил к стене служебной постройки, откуда можно было дойти до нашего люка вне луча. Охранник проверил первые шаги и пропустил нас. Наземник повернулся за движением теней на насыпи, но от машины нас закрывал бетонный выступ.

Вызов остальных остался без ответа. Охранник отметил провал и передал сообщение назад. Его принял связист у шкафа; дошло ли предупреждение до Ольги, мы не знали.

У стены остановились снова. Можно было вернуться за Ольгой и провести её нашей дорогой. Тогда люк остался бы без проверки, а её группа уже двигалась к другому входу. Попросил связиста повторить предупреждение при первом ответе галереи. Для своей пары изменённый путь обозначил на бумаге.

За полночь добрались до постового разъёма. Крышка шкафа не закрывалась из-за комка грязи в петле. Охранник расчистил её ножом, Вера проверила контакт и включила трубку. Вместо голоса сначала слышался гул, затем связист попросил назвать нас и место.

Ольга на общий сеанс ещё не вышла. Лейла сообщила, что дошла до наружного вентиляционного поста. Двигатель там работал на прежнем режиме, Борис проверял упор. О западной разведке сведений пока не было. Самат велел оставаться у проверенной стены, пока связист не восстановит этот участок связи.

Пот остывал под лямкой, пока сидел у разъёма. Вера проверила пульт подъёмника: для открытия предлагалось начать общую подготовку ствола. Она сохранила сообщение, не подтверждая команду.

Начальник запросил причину задержки. Узнав о провале и наземнике, велел бойцу держать верхний подход. За закрытый люк без ответа о состоянии ствола его пока не посылал.

Местные вышли на связь через Лейлу. У западного прохода они обнаружили мины и остановились. Один из них прислал снимок в местную сеть; специалист поста подтвердил, что на дорожке установлены боеприпасы. Обойти их по видимому участку без проверки было нельзя. Самат спросил, остаются ли они на месте. В трубке слышалось тяжёлое дыхание.

— Уходим. Без сапёров дальше не пойдём.

Лейла повторила решение для остальных. Хотел спросить, нельзя ли хотя бы посмотреть тропу дальше с ограды. На схеме за опасным участком проход выводил к внутреннему двору, и оттуда можно было быстрее собрать людей. Уже потянулся к трубке, но представил, как мой вопрос превратится для них в поручение сделать ещё несколько шагов.

Самат сообщил всем, кто отвечал, что западный путь не проверен. Если кто-нибудь потеряет свой вход, считать этот запасным запрещалось. Я подтвердил приём и попросил только передать нам точку, до которой разведчики дошли. Распорядиться их возвращением было некому, кроме них самих.

Вера зачеркнула стрелку к западному проходу. Надо было ждать ответа Ольги и подтверждения, что местные вышли с опасного участка.

Наземник за оградой ожил. Послышался гул привода, затем по щебню застучали колёса. Охранник показал нам лечь ниже края желоба. Вера выключила прибор, прикрыла ладонью индикатор трубки. Я опустил на бок, стараясь оставить больное плечо сверху.

Машина шла к месту, где нам предстояло пересечь проезд. Камера поворачивалась к освещённой насыпи. Из динамика снова велели смене двигаться на сбор. За сеткой прошла фигура рабочего, и наземник остановился, удерживая установку на той же линии.

Лежать становилось трудно. От положения на боку затекала здоровая рука, которой поддерживал грудь. Попробовал изменить опору, и под локтем хрустнул шлак. Машина повернула камеру в нашу сторону. Вера прижала мой рукав к земле, а охранник застыл у края постройки.

Луч прошёл по желобу и задержался на сорванной решётке. Несколько секунд машина стояла неподвижно. Затем камера вернулась к насыпи, и наземник покати́л дальше. Мы дождались, пока шум уйдёт за поворот. Только после знака бойца Вера поднялась и помогла мне сесть.

К люку подошли вдоль стены. Над ним висел небольшой козырёк с оборванным проводом светильника. Электрический пульт находился сбоку, закрытый металлической дверцей. Вера ещё раз посмотрела на предложение общей подготовки и сказала, что такой запрос уйдёт выше местного поста.

Рядом с пультом оставался ручной ворот наружной крышки. Его рукоять была зафиксирована скобой. Крышка закрывала сервисный доступ, а не проход в саму шахтную клеть. Охранник проверил проезд, дал Вере свой фонарь и отошёл на верхний подход, сохраняя нас в поле зрения.

Попробовал ворот здоровой рукой. Он сдвинулся немного и остановился. Плечом подпирать рукоять было нельзя, пришлось присесть и осмотреть край крышки. Между нею и рамой застрял кусок спрессованной грязи с проволокой. Вытащил пассатижи и начал освобождать зазор.

Вера держала свет. Когда край стал свободным, попросил её приподнять рукоять, пока проверяю ход винта. Она надавила обеими руками. Ворот подался, и крышка отошла от рамы на несколько пальцев. Под ней оказалась исправная винтовая опора, удерживавшая вес металла.

Дальше вращал рукоять короткими движениями. Вера придерживала её, пока менял хват. Работа шла медленно, и каждый раз хотелось помочь себе второй рукой. Стоило начать тянуть локоть из поддержки, как возвращалась боль. Пришлось остановиться и попросить Веру закончить последний оборот.

Закрепив крышку упором, увидели ступени к двери машинного помещения. Вера проверила воздух и передала результат охраннику. Тот доложил начальнику: люк открыт, дальнейший путь ещё не осмотрен.

Трубку местной линии спустили по ступеням на оставшемся у рамы кабеле. Вера проверила голос связиста. Он слышал нас лучше, чем наверху. Дошли до двери. Она открылась от руки.

Внутри горело дежурное освещение. На стене висела схема ствола номер четыре. Решётка перед подъёмником была закрыта, но через неё виделась стоявшая у посадочной отметки клеть. Стальной пол покрывала серая пыль, у края лежал смятый рабочий рукав.

Вера сверила номер помещения с распечаткой. Я осмотрел нижнюю часть решётки: запор был механическим, без следов недавнего взлома. Она нашла на местном посту журнал последнего вызова. По нему подъёмник находился в ожидании, а линия подготовки оставалась неактивной.

Позвал охранника у люка, передал, что дверь машинного помещения открылась. Он подтвердил, что остаётся на верхнем подходе. Начальник разрешил осмотреть посадочную площадку при непрерывной связи. Вера записала время; до решения о спуске мы должны были вернуться с результатом проверки.

Из трубки донёсся голос Ольги. Связист соединил нас с кабельной галереей через местную линию. Её группа прошла наружную дверь и нашла архивное ответвление. Дальше стояла ещё одна перегородка. Ольга сообщила, что охрана остаётся с ней, полных файлов они пока не получили.

Спросил, дошло ли предупреждение о провале. Она подтвердила и сказала, что они выбрали проход вдоль кабельной стены. Своё положение назвала по табличке у двери. Вера отметила его на схеме, однако прямой связи между нашими помещениями по-прежнему не было: линия возвращалась через наружный шкаф.

Лейла ответила короче. Разведчики вышли с западной дорожки, все живы. У вентиляции искали способ проверить внутренний подход со стороны действующей смены, не заходя на мины. Павел подтвердил сохранение постов на востоке. Ни один из этих ответов не давал нам общего свободного выхода.

Самат назначил следующую проверку связи. Попросил повторить состояние западного пути и сообщил, что пометил его на бумаге: «Не проверен». Нанести обход без осмотра было нельзя.

Вера открыла местный журнал клетки. У посадочной решётки стояло разрешение на осмотр. Мы разблокировали её ручной защёлкой, затем остановились на пороге. Внутри на перекладине висели металлические бирки. На одной ещё читалась фамилия, перечёркнутая тёмной полосой.

Даты на бирках относились к смене, погибшей при старой катастрофе. Вера нашла её обозначение в местной памятке у тормозного шкафа. Имена на металле совпадали с напечатанными там. Бирки оставались у подъёмника как часть старого порядка учёта, а сегодняшняя запись вызова не объясняла, почему их не сняли.

Клеть стояла неподвижно. Вера проверила боковой пульт, я посмотрел на порог и следы у направляющей. Для осмотра тормозного узла надо было войти внутрь: шкаф находился за бортом, со стороны стены. Она передала вверх, что мы переступаем решётку, но команды движения не подаём.

Вошли по одному. Удержался здоровой рукой за поручень, пока Вера располагала трубку так, чтобы кабель не попал в направляющую. Автомат мешал у дверцы шкафа, и она передвинула ремень на моей груди. В тесной клетке пришлось повернуться боком, оставляя большое плечо подальше от металла.

На пульте вспыхнула отметка принятой команды. Вера повернула экран к себе и спросила связиста, подавал ли кто-нибудь вызов снаружи. Тот ответил, что общего разрешения на спуск не давали. В журнале уже стоял переход в рабочую последовательность.

Решётка у нас за спиной начала закрываться. Вера нажала местную остановку. Привод замер, но через несколько секунд движение возобновилось: контроллер принял ещё одно подтверждение с внутренней линии. Она сохранила запись и вызвала начальника охраны.

Кабель трубки натянулся у порога. Подал его Вере здоровой рукой, освобождая петлю. Из-за стенки пришёл гул двигателя, клеть дрогнула и пошла вниз. На верхней площадке появился охранник. Его фонарь скользнул по нашим лицам и остался выше, за закрытой решёткой.

Снижение продолжалось несколько метров, затем клеть встала у промежуточной отметки. Вера ещё пыталась вернуть местное управление. В соседнем ряду направляющих поднялась грузовая кабина с людьми за сеткой. Мужчина у её двери дёрнул запор и показал, что открыть его изнутри не может. Пока кабины сближались, он выкрикнул, что их держат после смены; Вера прижала трубку к уху и передала наверх, что рядом с нами заперты живые шахтёры.

Глава 9. Лифт погибшей смены

2064 год. День 3, 03:00–06:00. Тарнский рудник, служебный ствол номер четыре.

За час стоянки мужчина в соседней клетке сорвал ноготь о запор. Теперь он держал руку под мышкой. Луч моего фонаря проходил сквозь сетку и упирался в ящики, занимавшие половину кабины. За ними теснились шестеро; один сидел на полу, прижимая к ноге свёрнутую куртку.

Первые команды они приняли за аварийный вывод. После смены людей собрали у подъёмника, велели оставить передатчики и ждать сопровождения. Затем закрылась решётка, клеть подняли к пересадке и остановили. На запросы отвечала запись о проверке безопасности. Услышав нас, мужчина у двери решил, что пришли ремонтники.

Охрана наверху добралась до местного пульта. Связист проверил линию, Вера сохранила журнал пуска, но вернуть кабины не удалось. Попытка открыть грузовую вызывала сообщение о незавершённой проверке. Ящики мешали шахтёрам подобраться к сервисному лючку.

В три часа загорелась стрелка вниз. Пол вздрогнул; соседняя кабина тоже поползла, держась чуть ниже. Мужчина у решётки посмотрел мне в лицо. Эту стрелку он уже видел и ничего хорошего от неё не ждал.

Вера открыла местный шкаф и сняла разъём с сетевого блока. Индикатор приёма команд погас. Двигатель продолжал тянуть; над нами прошли два стыка направляющей. Связист сообщил: на верхнем пульте движение оставалось разрешённым, хотя новых запросов не поступало.

Привод выполнял уже принятую последовательность. Вера сообщила наверх, какой шкаф вскрыла, и попросила найти человека, знакомого с подъёмником. Шахтёр у двери прочёл на своём табло название нижней остановки: до затопленного участка оставалось несколько пересадок.

У края грузовой кабины выступил человек в старой рабочей куртке, хотя минуту назад на этом месте стоял ящик. Он согнул колени и потянул рукоять у борта. За его спиной второй приложил пальцы к уху, будто слушал команду. Губы двигались, но слов я не слышал.

Шахтёр с повреждённым пальцем отступил. Один из живых протянул руку к рукояти. Я крикнул, чтобы он подождал, и направил фонарь ниже. Ладонь Отголоска проходила через кожух с новыми болтами. Старой рукояти на этом месте уже не было.

Живой человек ощупал металл и отдернул руку. Мужчина в старой куртке повторил наклон, его сосед опять прислушался. Они проверяли тормоз перед спуском, из которого не вернулись. Над Верой покачивались бирки погибшей смены, задевая одна другую.

Вера попросила шахтёров назвать себя, проверяя, все ли отвечают. Мужчину у двери звали Дамир Латин. Сидевшему на полу придавило голень при погрузке. Последним отозвался человек с белыми полосами на рукавах — штатный горноспасатель, сопровождавший вывод смены.

Спасатель достал из поясной сумки сервисную линию с креплениями: её хватило бы для перехода у ниши, если удержать кабины. Вера передала наверх. Прежде чем связист ответил, провод у её ботинка пополз по полу.

Катушка почти опустела. Вера предупредила, что придётся перейти на стационарную линию, и прочла номер ближайшей телефонной коробки на стене. Связист нашёл её в схеме. Ещё несколько оборотов — и кабель потянет у нас из рук.

На площадке над нами лязгнула решётка. Выехал наземник, следом второй. Я увидел край гусеницы, линзу и оружие на поворотной опоре. Машина опустила ствол и дала очередь в грузовую клеть.

Дамир упал на ящики. По сетке побежали искры, раненый закрыл голову курткой. Вера присела у шкафа. Я потянул автомат, но приклад зацепился за фиксацию руки. В борту появились две вмятины, ещё одна пуля пробила край дверной рамки.

Попросил Веру помочь с ремнём. Она перекинула его через голову и подала оружие к здоровому плечу. Я опустился за стальной короб у пола, уложил цевьё на его край и нашёл линзу в просвете между направляющими. Первый выстрел ушёл в ограждение. После второго наземник отвернулся; я выстрелил ещё дважды, когда он попробовал вернуться.

Попадания не видел, но машина убрала оружие за бетонный выступ. Спасатель успел переволочь раненого за ящики. Второй наземник стрелял с другого края площадки, выбивая крошку над соседней клетью. Дамир придвинул куртку под голову лежавшему рядом человеку.

Перекрытие постепенно закрыло стрелявшим обзор. Пришлось переждать ещё две очереди. Я держал автомат на опоре, пока последний ствол не исчез за бетоном. Вера передала наверх, что по людям ведут огонь, и предупредила охрану об опасности у ограждения.

Кабель натянулся. Вера отсоединила его от трубки и убрала от направляющей. Стало слышно, как тяжело дышат в соседней клетке. Дамир ждал следующего решения. Я сказал, что ищем местную линию; другого обещания у меня не было.

Показалась техническая ниша с телефонной коробкой и настилом до нашей направляющей. Вера включила местное удержание. Клеть замедлилась, скребя башмаками по рельсам, и встала почти вровень с настилом. Грузовая кабина продолжала опускаться.

Спасатель протиснул руку в лючок и освободил наружный фиксатор решётки. Открыть створку мешал ящик. Дамир с товарищем отодвинули его, освобождая проход. Спасатель закрепил линию за проушину кабины и бросил конец нам. Вера распахнула боковую дверцу у ниши.

Я поймал крепление и положил на пол. До настенного кольца пришлось бы шагнуть над зазором; попросил Веру. Она закрепила линию, затем подошла к телефону. После второго вызова я услышал голос связиста.

Бориса нашли на вентиляционном посту. Связист свёл его проводную ветку с нашей коробкой. По просьбе Бориса Вера прочла обозначения на шкафу, Дамир — то, что разглядел под грузом. Скрежет направляющей заглушал слова; пришлось повторить.

Борис узнал переделку: при общем управлении местное удержание оставалось отдельным. Наше сработало; в грузовой к узлу мешали подобраться ящики. Спасатель осмотрел нижний сервисный упор и подтвердил, что тот цел. Борис велел освободить доступ. Названия он давал по надписям на шкафу, которые ему только что прочли.

Дамир приподнял крышку ящика. Под ней лежали блоки в упаковке и ведомость с фамилией ответственного. Он посмотрел на неё, затем на раненого. Кабина осела ещё на несколько пальцев; линия протёрла борозду в пыли на пороге.

— Груз оставляем, — сказал Дамир.

Один из шахтёров напомнил о приёмке. Дамир показал пробоину над головой раненого. Вдвоём они переставили ящик к задней стенке. Выпавшие блоки подбирать не стали. Спасатель открыл шкаф и прочёл надпись внутри.

Вера повторяла команды Бориса по одной, спасатель отвечал после выполнения. От движения рукояти грузовую клетку качнуло, но она не встала. Борис спросил, где стоит упор. Дамир нашёл паз под грязью и расчистил обломком скобы.

Отголоски снова начали проверку. Живой шахтёр повернулся к человеку в старой куртке и поднял руку. Дамир взял товарища за запястье, подвёл к настоящему шкафу и посветил внутрь. Держал фонарь, пока тот не опустился рядом со спасателем.

Соседняя клетка остановилась ниже нашей. Спасатель предупредил, что упор сел с перекосом: надолго оставлять на нём людей нельзя. Он освободил переносной настил, закреплённый вдоль борта, и подал его на край пересадки. Получился короткий наклонный переход с

ззором у конца. Линия шла выше, через два закреплённых кольца. До ниши можно было добраться, опираясь на настил, если проходить по одному.

Первым перешёл шахтёр, помогавший с грузом. Второй перенёс сумку и встал у края принимать раненого. Я отложил автомат и освободил проход из нашей клетки. Вера оставалась у телефона: Борис просил сообщать любое движение кабины.

Раненого несли вдвоём. Его нога в наскоро затянутой куртке цеплялась за сетку, и Дамир остановил перенос, чтобы высвободить ткань. В этот момент под грузовой кабиной раздался удар. Настил опустился, человек у переднего края потерял опору и ткнулся коленом в металл. Раненый вскрикнул. Я схватил его за рабочую лямку здоровой рукой, чтобы он не съехал боком в затор.

Вес дёрнул меня вперёд. Упереться ногами успел, но плечо, прижатое повязкой к груди, всё равно потянуло. Боль прошла под ключицей и ударила в шею. Я перестал слышать Веру; видел только ладонь шахтёра, протянутую из ниши. Передал ему лямку, как только он ухватился, и сполз за порог. Дальше раненого тянули уже без меня. Его уложили на пол, под голову подставили спасательскую сумку.

Вера спросила, могу ли дышать. Ответил не сразу: попытка выпрямиться отзывалась болью. Она подвела меня к стене ниши и вернулась к переходу. В грузовой оставались трое.

Дамир вывел товарища, который тянулся к Отголоску, потом перешёл сам. Спасатель уходил последним. Он уже стоял на настиле, когда грузовая клеть снова просела, потянув нижнее крепление линии. Снимать его он не полез. Освободил конец у ниши и втянул настил на площадку вместе с шахтёрами. За их спинами ударило железо. Кабина ушла вниз, оставляя на направляющей светлую полосу срезанного металла.

Снизу пришёл удар, и гул двигателя оборвался. Дамир посветил через ограждение: грузовая клеть застряла на повреждённых направляющих. Её борт прижало к лестничному проходу. Там, куда собирались спускаться мы с Верой, торчала разбитая решётка.

На нашем пульте загорелся запрет хода. Вера сообщила Борису о срыве. Он велел оставить клеть у ниши и не пытаться сдвинуть застрявшую грузовую кабину вторым приводом. Дамир пересчитал своих, касаясь каждого за плечо. Шестеро были с нами.

Спасатель занялся раненым. В сумке нашлись перевязочный пакет и складные шины; держать ногу помогал Дамир. Мне велели сидеть у стены. Только когда закончили первую повязку, спасатель вернулся ко мне, осторожно потрогал край фиксации и спросил, где болело до рывка. Я показал здоровой рукой. Он не обещал вправить или вылечить плечо в нише; закрепил предплечье широкой лентой и подложил сложенную ткань, чтобы рука не тянула вниз.

Вера убрала автомат и помогла застегнуть фиксацию. Пальцы плохо слушались от боли. У стены лежал человек с повреждённой ногой; неловко было отвлекать людей на себя. Однако попытка подняться задержала бы всех ещё раз.

К пяти часам передали наверх положение клетей и число спасённых. Начальник охраны запретил пользоваться подъёмником до проверки. Вера подтвердила повреждение направляющих. Связист записал имена со слов Дамира и повторил каждое; одну фамилию мы поправили.

За решётчатой перегородкой стояла аппаратура. Пока шахтёры пили воду из двух фляг, Вера осматривала камеры на кронштейнах. Те смотрели туда, где при остановке находились лица людей в клетях. Рядом были прикручены микрофоны. Один пытались прикрыть полоской ткани.

Дамир сказал, что камеры поставили перед испытанием нового порядка эвакуации. Рабочим объяснили: будут проверять, как они различают команды при шуме. На первой проверке действительно гоняли записи через динамик. Потом попросили по очереди произнести имена людей из погибшей смены. Дамир сначала назвал фамилию бригадира. Его поправили: требовалось имя, такое, каким он обращался к нему в работе.

— Я сказал: «Сева», — произнёс он. — А мне из динамика ответили.

Дамир перебирал полоску упаковки. На вопрос Веры ответил, что голос был похож, но разговор продолжать не дали. Попросили посмотреть на зелёную метку над дверью, затем повернуться к соседу. После смены велели никому не пересказывать задания, чтобы следующие участники отвечали самостоятельно.

У аппаратов оказался местный журнал. Вера открыла несколько записей и подозвала меня. На экране шли короткие строки: обращение, задержка до поворота головы, попытка ответить, движение к двери. Рядом были номера смен и отметки микрофонов. Она попросила Дамира вспомнить, что он сделал после ответа из динамика. Он сказал, что шагнул вперёд, потому что звук шёл из-за решётки. В соответствующей записи стояло движение к источнику.

Вера некоторое время не листала дальше. Потом увеличила заголовок и пальцем провела под обозначением. Формат раннего фильтра она узнала по порядку полей и служебной пометке, оставленной в своей первой версии. Тогда этот фильтр нужен был, чтобы отделять произвольную реакцию на знакомый голос от исполнения команды. Здесь к реакции добавили направление движения и время, за которое человек подчинялся следующему указанию.

Я спросил, её ли программа управляла спуском. Вера ответила, что журнал этого не доказывает: здесь собирали реакции живых людей на обращения по именам погибших. Связь с управлением клетями предстояло установить. Она сохранила исходные файлы с обозначением блока, догадку надиктовала отдельно.

Дамир сказал, что тормоз всё равно был неисправен. До испытаний грузовая кабина проседала; заявки оставались у старшего смены. Сегодня он слышал тот же удар, прежде чем упор повело. Поставить камеры оказалось проще, чем заменить узел. Я посмотрел на его сорванный ноготь и промолчал.

Вера записала его слова о заявках. Она уточнила, видел ли он сам неисправность или слышал о ней, и Дамир показал, где стоял при прежней просадке. Его рассказ не объяснял всех команд этой ночи. Зато в нём были место, наблюдение и люди, которым он сообщал о поломке. Когда Вера попросила разрешения сохранить свидетельство, он согласился при условии, что к нему не припишут выводов о голосе. Она повторила это условие в запись.

В трубке снова позвали с верхнего поста. Вернуться прежним путём можно было только после осмотра ствола, а на промежуточной площадке оставались наземники. Раненому требовалась помощь, нашей связи — питание, и держать всех у открытой пересадки мы не могли. Дамир выслушал сообщение и спросил, сохранилась ли дверь в боковом проходе за аппаратной решёткой.

Он знал оттуда путь к резервной подстанции. Работал там на коротких включениях, когда ремонтникам требовалось проверить привод без подачи питания на весь участок. Вера нашла дверь и сверила надпись с тем, что он назвал. Дамир предупредил: постоянно держать подстанцию включённой нельзя, зато можно зарядить батареи для связи и приводов. По дороге был пологий обход, по которому двое сумеют нести раненого.

К шести спасатель с шахтёрами подготовил его к переноске, а Вера сообщила наверх наш новый маршрут. Я поднялся с помощью Дамира и дождался, пока перестанет качаться свет у двери. Автомат Вера закрепила мне за спиной, чтобы здоровая рука оставалась свободной. Дамир пошёл проверять первые метры обхода; мы ждали у аппаратной решётки, пока он вернётся и скажет, можно ли нести человека дальше.

Глава 10. Двадцать минут батареи

2064 год. День 3, 07:00–09:00. Тарнский рудник, резервная подстанция нижнего горизонта.

Дамир вернулся с петлёй кабеля через плечо. За дверью подстанции пришлось освободить проход от ограждений. К семи мы перенесли раненого в аппаратную и уложили подальше от шкафов. Я дошёл сам, придерживаясь за поручень; Вера помогла повернуться, чтобы не зацепить фиксатором косяк.

Горноспасатель проверил повязку на голени и достал прибор с зажимом на палец. Экран включился и погас. Запасная батарейка тоже оказалась пустой. Раненый спрашивал, долго ли ждать подъёма. Дамир объяснил, что нас поведут другим путём, но пока не смог сказать, когда.

В аппаратной стоял шкаф с шестью переносными батареями. Один из шахтёров оказался электрослесарем; он обслуживал здесь приводы и узнал стойку. Вынув первый блок, повернул его боком. Корпус выгнуло у шва, в гнезде виднелась тёмная полоса. Ремонтник поставил батарею на отдельную полку и запретил подключать её к зарядке. Остальные пять прошли проверку, хотя заряда в них оставалось мало.

По местному телефону сообщили, что вышли из ствола. Готового пути к нам у верхнего поста не было, а возвращать людей через площадку с наземниками начальник охраны запретил. Связист предупредил, что к подстанции идёт Кирилл с двумя бойцами Павла.

Они пришли по восточному служебному ходу. Бойцы остались проверять подход, Кирилл положил кассету с аппаратами и посмотрел на мою повязку. Я спросил о разрешении Павла. Он показал сообщение: сопровождение до подстанции, помощь раненым, дальше — отдельное решение по обстановке.

За бойцами тянулся кабель от восточного поста. Закрепив его, занесли остальные кассеты. Кирилл сверил аппараты: тридцать шесть, все работоспособны. Их зарядили на посту; пополнения не было. Кассеты заняли проход, по которому предстояло выносить раненого.

Дамир показал Кириллу место за шкафом, где можно было развернуть пульт. Вера тем временем читала журнал подстанции. Общий пуск передавал охране точное место запроса. Местный режим убирал это оповещение, хотя расход на подводящей линии оставался виден. Работа на резервном охлаждении допускалась только двадцать минут. Повторять включения без перерыва электрослесарь отказался: так здесь уже выводили оборудование из строя.

Нужно было зарядить батареи и достать журнал питания. Спасатель попросил одну для медицинского оборудования. Кирилл предупредил, что аппараты от этого запаса подзаряжать не станут. Для закрытия низкого тоннеля требовался привод: ручная передача была повреждена. Сдвинуть створку плечами не получилось бы.

Под крышкой пульта нашлась бумажная схема с пометками электрослесаря. После переделки часть нагрузки перенесли, а надписи снаружи не заменили. Вера запретила пуск до проверки. Кирилл поднял аппарат, провёл камерой вдоль шкафа. Мы смотрели на экран через его плечо.

Перед пуском он включил вывод подсказок на маленький динамик. Я узнал голос, который слышал у канатной дороги. Тот не поздоровался, не назвал нас по именам. Когда Вера потянулась к местному переключателю, произнёс:

— По очереди. Вместе эту пару не включай.

Вера убрала руку. Попросила Кирилла вернуть камеру к боковой стенке, потом разложила вкладку на закрытом шкафу. Электрослесарь присел рядом. Они сравнили найденную перемычку со схемой; Вера провела пальцем по двум линиям, которые сходились там, где по наружной надписи должны были быть разделены. При предложенном пультом порядке нагрузка ушла бы через старое соединение.

Ремонтник показал потемневшее соединение: при такой нагрузке мог загореться шкаф. Вера проверила по вкладке другую последовательность и разрешила готовить пуск. Кирилл убавил звук, но гарнитуру не снял. Поправил её у виска, продолжая смотреть на шкаф.

До восьми освобождали место у стойки. Шахтёры переставили кассеты за перегородку, протянули кабель к приводу двери. Я раскладывал его здоровой рукой; Вера придерживала бухту. Под шкаф полез электрослесарь. Пока он закреплял разъём, я убрал упаковку из прохода.

Вера сверила часы с журналом. Дамир остался у раненого. Первый аппарат Кирилла осмотрел тоннель: у поворота машин не оказалось. Боец занял место за бетонной опорой, откуда мог наблюдать вход, не стреляя в сторону батарей.

При включении под ногами загудел пол. Над стойкой зажглись пять индикаторов, на экране пошёл обратный отсчёт. Спасатель подключил свой прибор через местный переходник и вернулся к раненому. Связист на верхнем посту стал слышен без прежних провалов. Вера сообщила об ограничении питания и начала копировать журнал. Пуск прошёл без запаха горелой изоляции. Я поймал себя на том, что ждал его.

Кирилл следил за разведчиком. Аппарат прошёл под первым перекрытием, остановился у следующего и повернул камеру. В динамике прозвучала короткая подсказка о верхнем проходе. Кирилл пока не отправил туда никого; приблизил изображение и проверил зазор. Между балкой и трубой оставалось место для малого аппарата. С пола этот проход был закрыт выступом стены.

На седьмой минуте зарядки разведчик показал движение за дальним поворотом. Две машины шли низко над полом, ещё одна держалась выше. Разведчик успел вернуться за шкафы. Один боец отступил за опору, второй закрыл восточную дверь, оставив кабель в защищённой выемке. До отключения оставалось тринадцать минут; выйти с батареями через тоннель мы уже не могли.

Привод створки отвечал, но под её край попала сорванная направляющая. Полотно могло заклинить посередине. До пуска шахтёры заметили полосу железа, уходящую под обломок перекрытия. Чтобы убрать её, требовалось подойти к порогу. Теперь туда двигалась охрана.

Первую очередь дал боец у бетонной опоры. Одна машина ударилась о стену, вторая прижалась к полу и прошла под его сектором. Она стреляла короткими очередями, разворачиваясь вдоль кабеля. Пули пробили короб рядом с приводом; Вера отступила за шкаф. Шахтёры перетащили раненого за внутреннюю перегородку, а я прижался к её краю. Автомат оставался у меня за спиной. Освободить его одной рукой, не выбираясь под огонь, не получилось.

Кирилл поднял двенадцать аппаратов. Первые два противник сбил у входа. Рой ушёл выше, но там проход перекрывала балка. Кирилл несколько раз отменил поворот, который аппараты пытались выполнить по собственной навигации.

Из динамика снова заговорил брат. Назвал боковой просвет у труб, затем опору за ним. Кирилл проверил изображение переднего аппарата. Тот развернулся к щели, которую разведчик показывал до боя. Вера, не отходя от пульта двери, спросила, совпадает ли проход с текущей картинкой. Кирилл ответил, что совпадает, и только тогда повёл туда остальных.

За щелью аппараты прошли между перекрытиями и вышли над охраной. Я видел их свет на потолке и обрывки изображения на экране. Одна машина противника развернулась вверх; боец у опоры выстрелил ей в открывшийся бок. Остальные поднялись за нашими аппаратами, освобождая нижний край тоннеля. Кирилл удерживал их там, где мог проверить каждую следующую опору камерой.

У створки стало возможно работать. Дамир и электрослесарь подползли к порогу со стороны стены. Я подтянул к себе петлю кабеля, на которую они могли наступить, и убрал её за выступ. Ремонтник упёр лом под сорванную направляющую. Дамир надавил вместе с ним;

железо сдвинулось, оставив борозду на полу. Вера ждала их знака у пульта. Счётчик показывал меньше восьми минут.

Новая очередь ударила по шкафу привода. Защитная крышка отскочила и повисла над кабелем. Я увидел, что острый край упирается в оболочку там, где она натянута у ввода. До ремонтника было несколько шагов, но он ещё вытаскивал лом из-под двери. Попробовал прижать крышку к раме здоровой ладонью, чтобы край не перерезал кабель.

Металл оказался горячим. Руку отдёрнул, прежде чем понял, что произошло, и задел рамку. Крышка ударила по пальцам, ладонь обожгло ещё раз. Я опустил на колено. Вера повернулась на звук и крикнула электрослесарю, чтобы он вернулся к шкафу. Тот передал лом Дамиру, подхватил крышку инструментом и отвёл от ввода. Моей руки для этого больше не требовалось.

На коже проступали светлые участки. Спасатель помог снять перчатку и усадил меня за перегородкой. Я пытался объяснить, что надо было закрепить край, но он перебил: теперь придётся отвлекаться ещё и на меня. Возразить было нечего.

В тоннеле разбились ещё три наших аппарата. Кирилл называл потери бойцу у опоры, не отрываясь от пульта. Два попали под огонь, третий задел повреждённое перекрытие, уходя от очереди. Связь с ним погасла после удара. Оставшиеся развернулись к выходу по тому же верхнему проходу. Голос в динамике потребовал вести их через дальнюю опору; Кирилл проверил её камерой и поправил высоту.

Дамир вытащил сорванное железо из-под створки. Ремонтник закрепил крышку в стороне от кабеля и дал Вере знак. Она начала закрывать дверь, когда наши аппараты ещё возвращались. Полотно опускалось медленно. Шесть машин успели пройти над его краем; последняя задержалась за балкой. Кирилл пытался вернуть её, пока через сужавшуюся щель летели пули.

Вера сказала, что останавливать створку нельзя: привод мог не взять её повторно. Кирилл посмотрел на счётчик и убрал руку с команды возврата. Седьмой аппарат остался в тоннеле. Через мгновение его отметка погасла, дверь села в нижний паз. С той стороны несколько раз ударило в металл. Дамир отступил от порога, прижимая к груди вытасченный лом.

Шесть вернувшихся аппаратов сели за перегородкой. Кирилл дождался, пока они останвят винты, и пересчитал весь остаток вместе с лежавшими в кассетах. Тридцать. Ни один из пропавших не отвечал. Боец у опоры сменил магазин и подошёл проверить стык створки. На пульте оставалось четыре минуты местного питания; очередь снаружи заставила нас отодвинуться дальше от входа.

Вера вернулась к журналу, электрослесарь проверял шкаф. Спасатель перевязал ладонь и спросил о плече. Я покачал головой. Подняться помог шахтёр: опереться теперь было нечем.

Прибор спасателя подключили к первой заряженной батарее. Вторую назначили переносному узлу связи, третью — приводам. Вера попросила отметить это на корпусах. Кирилл не предложил забрать одну себе. Его аппараты оставались с зарядом, полученным на посту.

Когда отсчёт закончился, Вера отключила местную шину. Гул под полом стих. Лампы над стойкой погасли, но связь продолжила работать от своего блока. Ремонтник ещё раз осмотрел шкаф: за крышкой выгорел защитный элемент, от него и нагрелся металл. Он показал мне место повреждения. Я принял горячую крышку за обычную сорванную дверцу и полез рукой туда, где требовался инструмент.

Две заряженные батареи оставались на стойке. Дамир предложил вынести их второй ходкой. За закрытой створкой слышалось движение; боец с восточного прохода сообщил, что по его линии тоже ищут вход. Кирилл попросил не оставлять людей без сопровождения. Для раннего требовались двое, аппараты и оружие бойцы несли сами. Я не мог взять даже одну батарею за ручку. После подсчёта груза Дамир перестал обсуждать вторую ходку.

Одна неисправная батарея стояла отдельно, как мы её оставили. Две исправные Вера отключила от зарядных гнезд и задвинула в шкаф. Три выбранные распределили между шах-

тёрами. Блок для медицинского оборудования достался спасателю; ремень его сумки пришлось перестегнуть, чтобы освободить руку для раненого.

Вера сохранила журнал до отключения. Теперь, пока готовили переноску, открыла его на своём приборе. Короткие включения повторялись и прежде. Она показала время, затем назвала бой, с которым его сопоставила. Следующую запись проверила по другой дате. Я узнавал названия мест, но сверять начало и конец боёв по памяти не взялся. Она сверялась с хронологией комиссии.

Совпадали не только дни. Возле части включений стояли отметки о передаче пакетов и проверке настроек. Вера предположила, что здесь получали данные для калибровки. Журнал показывал передачу пакетов, а не действие далёкого поля в Тарне. Что передавали и кто принимал, следовало искать в архиве.

Последняя строка назначала следующее включение на день седьмой, шесть утра. Я сверил её с записью об ударе. Время совпало. Вера пересняла экран с обозначением подстанции. Назначение включения в журнале не объяснялось.

Кирилл подошёл, когда прибор убрали. Он спросил, записала ли Вера предупреждение перед пуском и маршрут между перекрытиями. Он хотел сохранить порядок: подсказка, проверка, действие. Вера подтвердила, что всё записано. Я вспомнил потемневшее соединение в шкафу и шесть аппаратов, вернувшихся через щель. Без этих подсказок нам пришлось бы искать другой выход под огнём.

— Теперь понимаешь, почему я его оставляю? — спросил Кирилл.

Он не требовал назвать голос братом. Я ответил, что понимаю, чем тот помог здесь. Этого оказалось мало: Кирилл ждал, пока скажу остальное. Вера закрыла кассету и отошла к раненому, оставив нам место у стены. За дверью снова ударили по металлу; мы оба обернулись и дождались, пока звук прекратится.

Договорились о текущей работе. Подсказки, от которых зависело движение людей, должны были звучать для всех, кого они касались. Кирилл проверял путь камерой, Вера — доступные ей схемы и управление. Если проверить не удавалось, команда не выполнялась. Я не получил права выключать его модуль, а он не просил заранее принять следующие советы. Кирилл повторил условие о проверке и поправил провод гарнитуры у воротника.

Дамир нашёл схему насосного обхода. Дверь за стойкой вела туда, минуя охрану. Дальше можно было выйти к архивному ответвлению, хотя последнюю перегородку он давно не открывал. Вера передала вверх маршрут и предупредила, что подстанция обнаружена.

К девяти раненого подняли на переноске. Шахтёры пошли первыми, боец Павла проверял проход перед ними. Кирилл с товарищем переносил кассеты по одной, возвращаясь за следующей, пока дверь оставалась под наблюдением. Вера помогла мне встать и поправила ремень автомата, чтобы он не съехал на больное плечо. Мы вышли следом за электрослесарем с батареями для приводов; две заряженные остались в шкафу, и унести их было некому.

Глава 11. Список в охлаждающей воде

2064 год. День 3, 10:00–13:00. Тарнский рудник, насосный уровень и охлаждающий бассейн.

У лестницы остановились: переноска не проходила между поручнями. Дамир с товарищем развернули её боком, горноспасатель придержал ногу раненого. Я отступил к стене. Под повязкой пекло ладонь; зацепиться за поручень мог только пальцами. Вера провела меня через порог.

За лестницей открывался насосный зал. Над водой тянулись мостки, один уходил к двери архивного ответвления. Под другим виднелись контейнеры в металлических ложементх, залитые до крышек. Мы осматривали спуск, когда из бокового канала показался фонарь Лейлы.

Она привела троих местных. По её словам, сменный работник открыл проход от вентиляционной ветки; Рашид остался наверху на связи с убежищами. С ними пришла женщина с папкой в прозрачном чехле. Представилась Инной Весниной, архивистом смены, и спросила, нет ли среди спасённых её напарника.

Дамир назвал шестерых. Инна переспросила одну фамилию, но напарника среди них не было. Он ушёл сверять приёмку на нижнюю площадку и не вернулся. После закрытия дверей она ждала возле служебного канала, где и встретила Лейлу.

Инна разложила накладные на инструментальном ящике. Контейнеры числились сменными теплоносителями. Она видела разгрузку: каждый ящик сверяли отдельно, хотя в бумагах шла общая партия. Напарник записывал номера пломб и забрал ведомость вниз. Инна хотела найти его и вывезти документы; отдавать единственные бумаги без записи о передаче отказалась.

Ольга пришла с двумя охранниками из кабельной галереи. Рассказала, что, получив сообщение Веры, они нашли боковую лестницу к насосной. Один боец проверил мосток, второй остался у переноски. Ольга спросила Инну, какие записи та делала сама, и стала снимать листы через чехол.

Кирилл остался у входа с кассетами, аппараты не поднимал. Один боец Павла наблюдал задний проход, другой помогал шахтёрам. Узел связи запитали от своей батареи и соединили с настенной линией. Вера передала наверх место остановки. Две другие батареи оставались у спасателя и электрослесаря.

Дамир показал лоток под мостком, у контейнерных ложементов. Там блеснул металл. Инна узнала крепление номерной бирки: такие сдавали с ведомостью при переустановке тары. Рядом лежали пломбы. Прочитать их сверху не получалось — мешала вода.

По схеме нижний обход к архиву шёл вдоль отводящего канала. Чтобы достать пломбы, требовалось уменьшить воду в приёмном кармане. Полный слив затопил бы обход. Дамир показал отметку прошлой аварии: тогда люди выбирались по верхним мосткам.

Работник насосной не позволил остановить общий контур: он забирал тепло и от жилых отсеков, и от вычислительных шкафов. Вера проверила показания. Оставалось отделить доступную часть оборудования, сохранив движение воды.

Она ещё проверяла управление, когда на экране погасли местные разрешения. Внизу хлопнула задвижка. Из трубы над отводящим каналом ударила вода, и по полу у спуска побежала первая волна. Работник насосной бросился к пульту, но получил отказ. На нём появилась отметка охранной блокировки. Вера оттеснила его от шкафа и открыла боковую панель.

Вода достигла нижней ступени. Дамир потащил к каналу щиты ремонтного ограждения. Двое местных поставили их поперёк прохода, подбили мешками засыпки, оставшимися у стены. Перемычка пропускала воду, но не давала потоку уйти на всю ширину обхода.

На противоположном мостке загорелась линза. Наземник выехал из двери за насосами. Между его настилом и нашим зиял разобранный пролёт. Первый выстрел разбил светильник над щитами. Люди пригнулись; следующий удар пришёлся в мешок у ног Дамира. Боец комиссии из верхней галереи открыл огонь, вынудив машину податься назад, но её оружие продолжало доставать нижний проход.

Вера крикнула, чтобы переноску подняли за бетонную стенку. Лейла повела носильщиков к лестнице у нашего входа. Я остался у подножия лестницы: с дальнего мостка этот участок просматривался через разрыв в ограждении. Без опоры автомат удержать не смог бы. Попросил бойца Павла уложить его на поперечину ремонтной стойки и помочь с ремнём. Приклад упёр в здоровое плечо, обожжённую ладонь оставил разжатой у рукояти. Палец до спуска дотягивался.

Наземник сместился к разрыву. Я выстрелил дважды, когда он повернул линзу к носильщикам. Машина отступила за кожух насоса. Попал ли, не видел, но на лестницу она больше не смотрела. Боль в ладони мешала даже поправить оружие. Пришлось оставить его в том положении, которое помог занять боец, и следить за узким просветом.

Дамир с товарищем прижали второй щит тяжёлой решёткой. Ремонтник предупредил, что перемишка долго не простоит. Из шкафа донёсся щелчок. Один насос загудел, второй остался неподвижным.

Вера отделила доступную ветку от общего управления. Батарея запитала местное управление задвижкой; сами насосы оставались на своей линии. Работник насосной следил за приборами, пока она возвращала циркуляцию. Вода в кармане стала опускаться. В отводящем канале её, наоборот, прибавилось; выше щитов появилась бурая полоса.

На пульте вместе с жилыми отсеками загорелась часть вычислительных шкафов. Я спросил, можно ли отключить их отдельно. Вера показала общую ветку: здесь такого разделения не было. Серверы Кастина тоже получают охлаждение. Работник насосной ждал у рубильника.

— Оставляй, — сказала Лейла. — В отсеках люди.

Вера подтвердила местный режим и записала, какие участки остались работать. Лейла передала наверх, что вода у жилой ветки пошла. Под ногами гудели насосы, сохранявшие оборудование, к которому мы пытались добраться.

С середины лестницы носильщик обернулся: его позвали по имени из старого колодца. Голос обещал выход, где не надо тащить человека вверх. Следом заговорили ещё двое. За шумом сброса я разобрал просьбу подойти к ограждению.

Носильщик сделал шаг в сторону. Лейла попросила его сначала поставить свой конец переноски на ступень, потом подошла к решётке сама. За ней уходили вниз старые скобы. Несколько ближайших ещё блестели от воды, дальше свет пропадал. Из темноты повторили, что у выхода ждёт машина. Другой голос назвал дом на Насосной улице, двенадцатый.

Мужчина, помогавший с мешками, сказал, что живёт в этом доме. Голос он тоже узнал: так говорил его отец, погибший в шахтной катастрофе. На вопрос Лейлы ответил, что дом построили после неё; сам ставил окна. Она переспросила номер. Из колодца снова назвали двенадцатый и потребовали спускаться быстрее.

Лейла обернулась к Вере. Та слушала рядом с насосным шкафом и подтвердила: в этот голос добавлено знание, которого у погибшей смены быть не могло. Перед нами был Слепок, использовавший нынешний адрес. Происхождение остальных голосов она по этому совпадению определять не стала. Носильщик ещё смотрел в колодец. Мужчина из двенадцатого дома подошёл к нему и взял свободную ручку переноски.

Я позвал их к нашей лестнице. За спиной звякнула дроблёная плитка: наземник снова стрелял с противоположного мостка. Боец комиссии ответил, а я следил за просветом и показывал носильщикам, когда можно идти. Лейла прошла перед ними, проверяя каждую ступень

фонарём. Они подняли раненого за бетонную стенку. Голоса продолжали звать вниз, но к старой решётке больше никто не подошёл.

Ольга отвела Инну от колодца. Та слышала знакомый голос и хотела проверить, не напарник ли это. Лейла сказала ей об адресе, однако Инна напонила, что её напарник живой и вполне мог находиться внизу. Возразить на это было нечем. Ольга предложила сначала вызвать его через местный пост и проверить, откуда идёт ответ, а в колодец без осмотра не спускаться. Инна согласилась ждать у связи, не выпуская папку.

К полудню открылся верх лотка. Местный крепыльщик, работавший в этом зале, вызвался спуститься. Он осмотрел крепления над карманом, попросил шахтёра перепроверить выбранное. Верёвку принесла группа Лейлы, привязь нашлась в ремонтном шкафу. Горноспасатель проверил её перед спуском.

Мне помогли убрать автомат. У ручного поста электрослесарю требовалась помощь: вращать ворот и удерживать тормозной рычаг одному не выходило. Он показал, куда нажать предплечьем. Вера подложила куртку под локоть. Я сел на ящик, упёрся спиной в стену. Ремонтник проверил, успеваю ли отпустить рычаг по его слову.

Вера называла уровень с нижнего поста. Он менялся рывками: вода подпирала щиты, просачивалась под засыпкой, а при открытии сброса уходила в обход. Полностью закрыть его было нельзя — карман снова залило бы. Ремонтник доворачивал ворот небольшими движениями. Я отпускал тормоз и прижимал его обратно предплечьем. Плечо оставалось в фиксации, ладонь лежала на колене.

Крепыльщик опустился до края лотка. Его фонарь скользил под контейнером, временами пропадая в брызгах. Ольга снимала сверху, пока Инна показывала, где при разгрузке располагались номерные крепления. Через несколько минут снизу передали, что пломбы доступны, но в одном углу зажата бирка с частью проволоки. Вера попросила не дергать её, пока не проверят крепление.

Наземник выбрался из-за насоса. Бойцы отвели его огнём от кармана, избегая попаданий в оборудование. Очередь срезала крепёж у стены. Кусок трубы упал возле крепыльщика. Горноспасатель принял дёрнувшуюся верёвку, не давая человеку уйти под контейнер.

Ремонтник остановил ворот. Я прижал рычаг, пока внизу не показался фонарь. Крепыльщик стоял на опоре и просил удерживать уровень. Дамир крикнул, что щит отходит. Из щели бил поток на лестницу нижнего обхода.

Вера подошла ко мне, сама проверила положение рычага. Сказала, что закрыть весь сброс сейчас — значит поднять воду вокруг крепыльщика. Поддержать нынешний уровень можно, но нижний проход мы потеряем. Я посмотрел на ремонтника. Тот ждал команды у ворота. Внизу человек работал по пояс в воде, и запасного настила под ним не было.

Мы удержали рычаг в прежнем положении. Дамир оттащил товарища от щита за ворот куртки, прежде чем щит опрокинулся. Поток ударил в низкий проход. На ступенях исчезла старая отметка, затем вода дошла до края дверной рамы. Ремонтник назвал Вере уровень; та передала всем, что нижний обход закрыт. Носильщиков уже вывели наверх. Возвращать их туда было нельзя.

Крепыльщик подал небольшой мешок на отдельном конце верёвки. Дамир принял его и отнёс за стенку. Потом начали поднимать человека. Он помогал ногами, пока доставал до скоб, но у края пришлось тянуть двоим. Горноспасатель завёл его за ограждение. Только после этого ремонтник повернул ворот. Я отпустил рычаг, когда он сказал, и несколько секунд не мог убрать затёкший локоть с куртки.

В кармане опять начала прибывать вода. Перемышку оставили: разбирать её под огнём никто не собирался. Наземник продолжал двигаться на противоположной стороне, а между ним и нашими охранниками теперь шли брызги от сброса. Бойцы отошли к верхней площадке

по очереди. Вера закрепила местный режим, проверила циркуляцию у жилой ветки и велела электрослесарю забрать батарею приводов.

Мешок открыли на свободной площадке у связи. Внутри оказались две сорванные пломбы и номерная бирка с обломком крепления. На одном куске ещё висела проволока. Ольга сняла всё вместе, попросила пока не счищать грязь. Инна придвинула накладные, но сопоставлять номера стали только после отдельной съёмки каждого предмета.

Одна последовательность совпала с её листом приёмки. Другая отличалась последними знаками: пришлось увеличить изображение, осветить сбоку. Инна перестала настаивать на первоначальном чтении и исправила карандашную пометку на копии. Её накладная показывала движение партии. Найденный металл происходил из лотка в охлаждающем кармане. Какому контейнеру принадлежал каждый обломок, мы пока не видели.

Ольга попросила Инну повторить рассказ о разгрузке отдельно от разговора над пломбами. Дамир стоял рядом и начал добавлять про голоса в клетки. Она остановила его, пообещав записать следом. Инна видела приёмку и знала, кто ушёл сверять номера. Дамир участвовал в испытаниях смены. Ни одному из них не предложили подтвердить то, что видел другой.

Инна несколько раз возвращалась к напарнику. Через местный пост его не нашли: на вызов пришла прежняя запись о закрытии участка. Ольга сохранила и её. Когда бумаги убрали, Инна спросила, позволят ли ей идти с нами. Лейла сказала, что путь к архиву снизу залит, а впереди остаётся санитарный сектор. Инна согласилась: там могли знать, куда отправляли людей с приёмки.

На учётном посту у верхней площадки Инна открыла указатель накладных. Связист помог восстановить соединение через наш переносной узел, но запись снимать Инна стала сама, под своей учётной записью. К двум найденным номерам прилагались ссылки на санитарные карточки. В бумажной накладной этих приложений не было. Инна открыла первую ссылку, потом вторую, проверив, не повторяется ли один и тот же файл.

Оба человека числились живыми в подземном санитарном секторе. На экране стояли даты последнего перевода. Я спросил, означают ли номера пломб, что в контейнерах находятся они. Вера покачала головой: связь в учёте не устанавливала содержимого. Требовалось проверить людей и сами контейнеры. Лейла отодвинула приготовленный список фамилий от мокрого металла и стала переписывать номера карточек на другой лист.

Внизу окна была пометка об уменьшенном обеспечении. Инна открыла основание. Вместо состояния пациента там стояла высокая вероятность запроса со стороны внешней комиссии. Следующая строка назначала пониженный приоритет. Лейла попросила показать дату: решение приняли недавно. Наш раненый лежал за перегородкой, спасатель смотрел его прибор, и оттуда время от времени доносились вопросы, скоро ли понесут дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.